

Вадим Федоров

АНГЕЛ 006

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вадим Федоров

Ангел 006

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69007027

SelfPub; 2023

Аннотация

Полное собрание походов Шестого ангела. Книга состоит из двух частей: «Шестой ангел» и «13 этаж». Книга учит, как правильно строить взаимоотношения в семье, в любви, в жизни. Эта книга – идеальный подарок для любимого человека или для себя.

Содержание

Книга первая – Шестой ангел	4
Шестой ангел	4
Шестой и Стёпа	30
Шестой и девочка	53
Шестой и смерть	74
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Вадим Федоров

Ангел 006

Книга первая – Шестой ангел

Шестой ангел

Посвящаю Оле Л.

Кухню отделяла от общей комнаты барная стойка. Плавно переходящая в П-образную кухонную стенку из светлого дерева. В раковине кривая грязная посуда. На стойке стояла баночка фуа гра и бутылка Бейлиса с рюмкой, наполовину наполненной этим самым Бейлисом. Виолетта сидела на высоком стуле и задумчиво смотрела на рюмку.

Я подошёл, сел напротив неё, спиной к комнате, локти поставил на столешницу.

– Пить или не пить? – спросил.

Женщина подняла на меня глаза.

– Вы кто, извините?

– Ангел, – представился я.

– Кто?

– Ангел, – терпеливо повторил я.

– Я что, умерла? – спросила женщина.

– А у меня что, в руках коса? – съязвил я.

– Нет, – немного подумав, ответила Виолетта, – косы нет.

Вы обычный мужчина. На ангела не похожи.

– А ты много ангелов видела? – спросил я вновь.

– На картинах они голые и с крыльями, – ответила она.

– Крылья у меня есть, – сказал я.

– Покажите.

Я встал со стула. Снял пиджак, бросил его на диван. Расстегнул рубашку, снял её, стараясь втянуть живот. Повернулся спиной.

– Оххх, – раздалось сзади, – а можно потрогать?

– Нет, – ответил я и надел рубашку.

Сел обратно на стул. Рукой подпёр подбородок и принялся бесцеремонно разглядывать Виолетту. Лет 35. Крашеная блондинка. Под глазами мешки. Грудь размер второй. Не больше. Фигура обычная. Животик торчит. Небольшой, но торчит. Ноги, правда, стройные. Глаза карие. Одета в какую-то майку и рваные джинсы. Лифчик не носит. Из украшений простенькие серёжки и колечко из белого золота.

– А зачем вы тогда ко мне? – не выдержав молчания, спросила Виолетта.

– Послали, – ответил я, многозначительно подняв глаза вверх.

– Зачем? – спросила она вновь.

– Я откуда знаю? – отозвался я. – Мне сказали, я примчался. Устраивать твою личную жизнь. А то чё-то ты никак за-

муж не выйдешь и ребёнка не родишь.

– А чем это я такая особенная, что ко мне ангела прислали? – удивилась.

– Почему именно из-за тебя? – в свою очередь удивился я. – Может, из-за будущего ребёнка или даже внука. Или из-за мужа. Я же говорю – не знаю ничего. Дали разрядку: привести тебя в нормальный вид и устроить личную жизнь. Вот я и примчался.

– Странно, – сказала она, – разрядки, ангелы, дети... Меня вчера мужчина вот бросил. Я с ума схожу. А вы тут с какими-то разрядками.

– Да в курсе я про твоего бывшего, – отмахнулся я, – дело читал.

– Господи, у вас и дело на меня заведено, – почему-то испугалась Виолетта.

– Пароль на вай-фай какой? – перебил я её.

– Violettalove, – смутившись, по буквам продиктовала она.

Я достал из дорожной сумки планшет. Приконнектился к интернету и отстучал наверх мессагу.

«На место прибыл. В контакт вступил. Начинаю работать».

Подумал немного и добавил: «Целую. Шестой».

Через несколько секунд получил ответ: «Предпоследнее слово я убрала. Не хулиганьте, Шестой. Референт М».

Я довольно хмыкнул.

– Женщина? – спросила Виолетта.

– Уху, – кивнул я, – секретарша главного. Огонь. Я понимаю, что никаких служебных романов. Но не могу удержаться, чтобы не потроллить её.

– А почему ко мне мужчину прислали, а не женщину? – вновь спросила Виолетта.

– Во-первых, я Ангел, поэтому меня как мужчину не воспринимай, – начал я, – во-вторых, зачем тебе бабу посылать? Чтобы вы вместе ликёр лакали и слёзы горячие лили? И, в-третьих, у меня свои методы по выходу из кризисных ситуаций.

– Да какой тут выход? – всхлипнула женщина. – Я его люблю, а он меня бросил. Не объяснившись. И телефон сменил.

– Стоп, – прервал я её, – забудь ты про своего бывшего. Всё, нет его и не было. Ты в курсе, что он женат вообще-то.

– Как? – закричала Виолетта.

– Каком, – сказал я, забирая у неё бутылку и рюмку с алкогольем.

– Я видела, что у него след от кольца на пальце, но он сказал, что недавно развёлся, – захныкала она.

– В командировке он был, от компании. И квартира не его, а служебная, – поведал я ей, – хочешь, могу доказательства показать? Или на слово поверишь?

– Да верю, – махнула рукой Виолетта, – вам почему-то верю. Вы правда Ангел, и вы мне поможете?

– Правда и помогу, – ответил я и добавил: – Только сейчас мыть ноги, чистить зубы и спать. Остальное завтра.

– Хорошо, – неожиданно легко согласилась Виолетта и попыталась встать.

Встать у неё не получилось. Она была пьяна. Из-под стола выкатилась пустая бутылка Бейлиса. Я помог Виолетте добраться до спальни, сгрузил храпящее тело на постель, стянул с неё штаны и заботливо прикрыл одеялом.

Затем включил телевизор и принялся смотреть проходящий в Загребе хоккейный матч между местным Медведчаком и магнитогорским Металлургом.

Виолетта проснулась поздно. Вышла из спальни в засаленном халате. Волосы всклочены, лицо помятое. Я сидел за той же барной стойкой и заваривал чай.

– А я думала, вы мне приснились, – сказала Виолетта, увидев меня.

Она подошла, села напротив, подозрительно посмотрела на кульки с чаем, которые я притащил из чайной лавки.

– У меня же есть в пакетиках, – сказала.

– Чай в пакетиках пьют неудачники, – ответил я и добавил: – Марш в ванную и приведи себя в порядок. И чтобы я тебя в таком виде больше не видел.

– Я у себя дома, я только что встала... – начала было ка-нючить Виолетта.

Но осеклась. Я барабанил пальцами по столешнице, и между пальцами у меня проскакивали искры. Довольно примитивный способ устрашения, но на женщин действует безотказно. Тётки боятся электричества. Почти все.

– Иду, иду, – Виолетта вскочила со стула и бочком проскользнула в ванную, не отводя взгляд от моей руки.

Я же дождался, пока чай заварится, налил божественный напиток в кружку и стал не спеша его пить.

Виолетта выплыла из ванной минут через двадцать. Всё в том же халате, но с полотенцем на голове.

– А макияж? – спросил я.

– Я же дома, – возмутилась женщина.

– Домашний макияж, – спокойно ответил я.

Виолетта вздохнула, вернулась в ванную и на скорую руку наложила тональный крем и подвела глаза. Вернулась в комнату.

– Халат выкинуть, – приказал я, – снять, выкинуть и никогда больше не носить. Никаких халатов.

Виолетта вздохнула и сбросила халат. Стояла голая, чуть выставив ногу и смотрела на меня. Ждала реакции.

– Повернись, – вновь приказал я.

Повернулась. Я достал свой планшет, приконнектился и начал искать ближайший к её дому фитнес-центр. Виолетта постояла немного, переминаясь с ноги на ногу, повернулась ко мне.

– Надень что-нибудь лёгкое и спортивное, – велел я ей.

Виолетта ушла в спальню. Спустя пять минут появилась в белой маечке и шортах телесного цвета.

Я налил ей чаю, пододвинул тарелку с бутербродами. Чай она выпила, от бутербродов отказалась.

– Ну а теперь за уборку, – весело сказал я, – твоя задача навести порядок в твоей же берлоге. Вымыть посуду, полы, отдраить унитаз и ванну. И окна не мешало бы помыть.

– Сегодня воскресенье же, – возмутилась Виолетта, – и что вы здесь у меня раскомандовались?

– Я же вчера объяснял, – сказал я, – перед нами стоит задача, чтобы устроить твою личную жизнь. И сделать тебя счастливой. Поэтому ты полностью слушаешься меня и выполняешь все мои распоряжения и приказы.

– Но при чём тут уборка? – вновь спросила Виолетта. – Тем более, меня вчера мужчина бросил, мне не до уборки. У меня разбитая любовь. Понимаете?

– Ты его не любила, – глядя ей в глаза, ответил я, – ты просто хотела, чтобы кто-то был рядом. И всё. И в итоге голову парню морочила почти полгода. Или он тебе морочил. Себя извела. Ведь догадывалась же, что он женат. Я это знаю, и не спорь со мной. А уборка будет у тебя каждый день. Живёшь, как в свинарнике. Нормальный, уважающий себя мужчина не станет в этом хлеву жить. Ну, и телом твоим займёмся. Вечером у тебя занятия. Я уже договорился. Тренера зовут Миша.

И я поиграл искрами на пальцах. Виолетта вздрогнула, покосилась на меня и потащила загрузать грязную посуду в моечную машину.

Убирались мы долго. Виолетте пришлось два раза мыть санузел. Так как после первого раза меня не устроили ре-

зультаты проверки. Пока она мыла полы, я сбегал в магазин и принёс средство для чистки окон и резиновый скребок. Заодно прикупил продуктов. Из которых Виолетта сварила куриный суп. Между прочим, вкусный.

– Вот, можешь же, если захочешь, – похвалил я её.

Виолетта расцвела в улыбке. И преобразилась. Из замотанной угрюмой тридцатипятилетней тётки вдруг выглянула красивая девушка с огромными глазами и завораживающей улыбкой.

– Стоп! – заорал я. – Замри. И улыбайся каждые пять минут. Ты бесподобна, когда улыбаешься. Ты безумно хороша.

– Правда? – вновь улыбнулась Виолетта. – Я не буду выглядеть как дурочка, если буду постоянно улыбаться?

– Правда, – подтвердил я. – Это твоё самое мощное оружие. Улыбка. Поэтому запомни: каждые пять минут. И давай переодевайся. Идём в спортзал.

– Да я пахала целый день, как лошадь полковая, – опять захныкала Виолетта, – какой ещё спортзал? Сегодня же выходной.

– Спортивный, – отозвался я, – и каждый день, без праздников и выходных. А по утрам ещё хорошо бы пробежку организовать. Вопросы есть? Вопросов нет.

В спортзал мы пришли вдвоём. Я отозвал тренера в сторону и поставил перед ним задачу по формированию нормальной фигуры у Виолетты. Тренер оказался толковым. Задал несколько вопросов. Уточнили с ним диету для женщи-

ны и питьевой режим.

– А вы ей кто? – спросил тренер.

– Я её Ангел-хранитель, – ответил я.

Тренер кивнул и позвал Виолетту на тренажёр. Тренировка длилась полтора часа. Я тоже не терял времени даром. Минут на двадцать оккупировал велотренажёр. А потом пошёл прокачивать спину и ноги. Мои слабые места. Потом принял душ и встретил на выходе из раздевалки обессиленную Виолетту. Критично осмотрел её. И отправил обратно накраситься.

– У меня сил нет руку поднять, – просипела она.

– А не надо было вчера ликёр бухать, – мстительно сказал я, – и вообще, в любой момент нам может повстречаться твоя судьба, твой мужчина. А ты не накрашена.

– А он точно встретится? – встрепенулась Виолетта.

– Ты чё, дура? – вопросом на вопрос ответил я. – Я же Ангел. Меня для этого сюда специально послали.

Виолетта развернулась и скрылась в женской раздевалке. Вернулась через несколько минут, умело подкрашенная и не такая уставшая.

Правда, когда вернулись домой, она буквально рухнула от усталости в коридоре. Еле-еле растолкал её, заставил почистить зубы, смыть косметику и наложить крем на лицо и руки. После чего она уснула, едва коснувшись головой подушки.

А я достал планшет и отстукал наверх обязательный еже-

дневный доклад: «Занимаюсь внешним видом подопечной. Воспитанию поддается, но случай тяжёлый. Очень устал. Целью. Шестой».

Через пару минут пришёл ответ: «Главный сказал, что вы молодец и справитесь. Ваш случай под контролем. Ему присвоен статус архиважный. Референт М».

Я задумался. Что такого в этой тётке, что ей присвоили статус архиважный? «Виолетта, Виолетта, расскажи-ка мне про это», – промурлыкал я. А наверх отстучал: «Задачу понял. Не пожалею ничего для достижения цели. В качестве награды согласен на шесть свиданий с Референтом М. Целью. Шестой».

Ответа не последовало. Я попил чаю, поиграл онлайн в шахматы. Разбудил Виолетту в шесть утра. Она глянула на часы, недовольно помотала головой, но в ванную отправилась беспрекословно. Приняла душ, накрасилась. На кухне появилась в сером костюме. Я сидел за стойкой и мял хлебный мякиш.

– Ты чай или кофе будешь? – спросила меня Виолетта. – Я по утрам только кофе пью.

– А я по утрам завтракаю, – ответил я.

– Это мне тебе завтрак готовить? – растерянно протянула Виолетта. – Я-то думаю, чего ты меня в такую рань поднял?

– Да, готовить, – подтвердил я, – твой мужчина всегда должен быть накормлен. Это аксиома. И если мужчина у тебя будет голоден, то всегда найдётся женщина, которая его на-

кормит.

– Но вы же не мой мужчина, вы Ангел, – возразила Виолетта.

– Вот и будешь на ангелах тренироваться, – сказал я, – зато когда приведёшь в свою квартирку мужика, у тебя будет опыт и еда. За продуктами заедем после работы. А пока я нашёл у тебя овсянку. Сваришь?

И я ослепительно улыбнулся. А Виолетта вздохнула и принялась варить мне овсянку.

На работу мы добрались за полчаса. Пробок почти не было. На проходной молодой охранник преградил мне дорогу. Но я сказал: мне назначено, пристально посмотрел на него, и меня пропустили. Поднялся с Виолеттой на пятый этаж. Её рабочее место представляло из себя стол со шкафом, отделённый от других фанерной перегородкой. На столе стоял компьютер. В шкафу лежали какие-то папки и парочка двухгиговых винтов.

Я послонялся по конторе, зашёл к начальнику Виолетты. Поговорил с ним по поводу развития его бизнеса, попил у него кофе и пообещал познакомить с нужными людьми. Вернулся к Виолетте. Рядом с ней стояла худая, как палка, белесая девица со злым выражением лица. Увидев меня, она поправила волосы и игриво спросила: «А это кто тут у нас? Почему я вас раньше не видела?»

– Я из аудиторской компании, – сказал я строго, – проверяю расходование средств и занятость сотрудников. Вы по-

чему не на своём рабочем месте?

Девушка ойкнула и скрылась за перегородкой. Я подсел к Виолетте.

– Кто такая? – спросил я. – Подруга или просто коллега?

– Подружка, Елена, – ответила Виолетта.

– Замужем?

– Понравилась? – усмехнулась Виолетта. – А как же Референт твой?

– Отвечай по делу, – попросил я.

– Разведена, живёт в двушке в соседнем от меня доме, дочке 6 лет, – по-военному отрапортовала Виолетта.

– Молодец, – похвалил я её. – Общение прекратить. Со всем. Не нужна тебе такая подруга. Ещё есть разведёнки с детьми в друзьях?

– Как прекратить? – возмутилась Виолетта. – Ты мне указывать будешь, с кем дружить и с кем не дружить?

– Буду, – кивнул я головой, – а ты в свою очередь будешь выполнять все мои указания. Ещё разведёнки с прицепами есть?

– Есть, – сказала Виолетта, – Маша. Но мы с ней редко встречаемся.

– Машу тоже вычёркивай из своей жизни, – распорядился я, – я надеюсь, ты проживёшь без этих двух неудачниц?

– Я-то проживу, – ответила Виолетта, – но хочу спросить: почему?

– Не в моих правилах, но отвечу, – сказал я, – потому что

они будут тянуть тебя назад. Будут мешать своими советами и личным примером. Потому что они не смогли создать свои счастливые семьи и будут мешать тебе создать твою счастливую семью. Вопросы есть? Вопросов нет.

Судя по выражению лица Виолетты, вопросы у неё были, но она промолчала.

Наступило время обеда. Мы спустились на первый этаж, в кафешку. Лена было сунулась за наш столик, но Виолетта сказала, что у нее со мной серьёзный разговор и попросила ту пообедать в одиночестве. Лена надулась, но без лишних слов пересела за соседний.

Я сходил за столовыми приборами. Вернулся. Возле столика с подносом в руках стоял мужчина, о чём-то говоря с моей подопечной. Та мило улыбалась незнакомцу.

– Этот столик занят, – сказал я.

– Извините, – сказал мужчина и попрощался с Виолеттой.

Я сел.

– Вы мне так всех женихов распугаете, – сказала Виолетта, – вот же, хороший мужчина. Давно переглядывались, а сегодня ко мне сам подошёл. Холостой, симпатичный. Этажом выше работает.

– Не, – прервал я Виолетту, – не наш вариант. Служебные романы хороши только в кино. В жизни это плохо. Целый день вместе. Дома и на работе. Плюс общие интересы. Не, не наш это герой.

– А где же мой вариант? – наклонившись ко мне, тихо

спросила Виолетта. – Где его искать? И как я узнаю, что это именно он?

– Он сам тебя найдёт, – сказал я, отодвинув пустую тарелку, – ты не замораживайся насчёт поисков. Придёт время, и он появится в твоей жизни. А узнаешь ты его по запаху. Твой мужчина будет пахнуть так, что у тебя мурашки по коже бегать начнут.

– И что же мне, всех теперь обнюхивать? – развеселилась Виолетта.

– Аха, – поддержал я её веселье, – только делай это незаметно. А то распугаешь народ.

– Так мне ходить по улице и носом водить по сторонам или как искать своего мужчину? – продолжала веселиться Виолетта.

– Не надо никого искать специально, – серьёзно сказал я, – просто живи. Наслаждайся жизнью. Не трать её на бесплодные поиски.

– А как же тогда он меня найдёт? Если я не буду его искать, – улыбка слезла с лица женщины.

– Найдёт, не переживай, – махнул я рукой, – а своими поисками ты только всех отпугиваешь и всякое дерьмо привлекаешь. Твоя озабоченность видна. И это плохо. Ты должна быть не тёткой, бегающей за каждым мужиком в поисках мужа, а красивой и уверенной в себе женщиной. Поэтому забудь на время про противоположный пол и займись собой. Компот будешь?

– Буду, – ответила Виолетта, – и поставь мой стакан на место. Мне что же теперь, только работать, убираться дома и на фитнес ходить?

– Нет, – ответил я, – можно ещё кое-чем заняться. У тебя есть хобби?

– Есть, – подумав, ответила Виолетта, – я рисовала раньше.

– Вот и отлично, – обрадовался я, – будешь рисовать. А уборка и готовка, на самом деле, немного времени занимают. Если в квартире чисто, а не такой бардак, что был накануне.

Виолетта задумалась. Допила свой компот. Осторожно поставила стакан на поднос.

– То есть, если я буду соблюдать все твои рекомендации, то найду своего любимого и единственного? – наконец-то спросила меня. – А какова вероятность, что это произойдёт? Вдруг я так никого и не встречу? Да и нужно ли это мне вообще? Я устала уже от всех этих отношений.

Я встал. Сходил за второй порцией компота. Он в этой столовой был бесподобный, с дымком. Сел на своё место. Прищурился, глядя на Виолетту.

– Я лучший, – сказал, – могу запрос от главного попросить. Они пришлют. И если ты будешь мне беспрекословно подчиняться и выполнять всё, что я тебе скажу, то да. Всё у тебя будет. И любимый муж, и любимые дети от любимого мужа. Семья будет. А насчёт того, надо ли тебе это. Я, как

Ангел, ответственно заявляю, что это предназначение женщины. Её смысл жизни. Любить и быть любимой.

– Ну вот, – вздохнула Виолетта, – люди спорят о смысле жизни постоянно. А тут пришёл Шестой Ангел и всё разжевал. Кстати, а почему шестой?

– По кочану, – отозвался я, – порядковый номер такой, с Марокко остался. А смысл жизни у женщины действительно простой, как две копейки. У мужчин с этим делом сложнее. Ты на работу-то после обеда собираешься идти?

Виолетта взглянула на часы, чертыхнулась и умчалась вверх. А я убрал грязную посуду со стола и отправился прогуляться. Вечером встретил свою подопечную, отвёз её в спортзал, позанимался сам. После спортзала отвёз домой. Где мы провели вечер в кулинарных спорах.

Виолетта честно старалась следовать всем моим инструкциям и прямым приказам. Правда, один раз она попыталась напиться своего любимого Бейлиса. Но на второй рюмке была поймана и наказана. Занятия спортом пошли ей на пользу. Она сбросила несколько явно лишних килограммов. Лицо приобрело здоровый цвет.

Я представлялся старшим братом. По имени Шестой. Почему-то по имени вопросов не возникало. А вот насчёт родства все в один голос заявляли, что мы не похожи. Но я старался как можно реже появляться с ней на людях. Хотя и контролировал по-максимуму.

Виолетта по выходным обычно проводила время с дру-

зьями. Ездил на природу, ходила на концерты, в кино. Постепенно у неё появлялся вкус к жизни. Иногда в выходные или вечерами, когда у неё было время, она рисовала. Холсты и рамы ей покупал я. Это были единственные траты с моей стороны. Рисовала она, на мой взгляд, не очень. Мне не нравилось. Хотя с каждым разом ей удавались всё лучше и лучше передать на полотне своё состояние. Я критически осматривал её очередной шедевр, бормотал «недурно, недурно» и шёл за очередной порцией красок в магазин.

Спустя где-то месяц-полтора после нашего знакомства Виолетта однажды вечером заявила мне: я хочу мужчину. Дело было на кухне, после ужина.

– А мы чем, по-твоему, занимаемся? – спросил я, отвлѣкшись от переписки с Референтом М.

– Я имею в виду секс, – смутилась Виолетта, – чисто физиологически. У меня давно никого не было. А хочется. Только ты не смейся.

– Да какой тут смех? – отозвался я. – Всё понятно. Тебе ссылки на интим шопы дать или сама в гугле найдѣшь?

– Да не нужны мне твои интим шопы, – отмахнулась от меня Виолетта, – это всё не то. Это я и руками могу. Мне живой нужен. Мужчина. Хотя бы на ночь в неделю.

И она густо покраснела. Что меня очень развеселило. Вроде взрослая женщина. А как разговоры про ЭТО, так сразу стыд и краска. Я отложил планшет в сторону и пристально взгляделся в сидящую напротив меня женщину.

– Тут такое дело, – начал я, – или мы выполняем мои требования и, в конце концов, находим твоё счастье, или ведёмся на твои хотелки.

– Мне просто нужен секс, – опустил глаза, сказала Виолетта, – без обязательств.

– Хорошо, – сказал я, – давай без обязательств. Сегодня один мужик, через неделю другой. Найти не проблема. На различных сайтах знакомств полно пикаперов. Только ты не заметишь, как превратишься в обычную блядь. Зато физиология будет в порядке. Ты этого хочешь?

– Нет, – женщина закрыла лицо руками, – не хочу. А что мне тогда делать?

– Я же уже сказал. Секс шоп или по старинке, – улыбнулся я.

– Я лучше по старинке, – кивнула головой Виолетта, – в душе.

– О, ты занимаешься этим в душе? – развеселился я.

– Да ну тебя, – вконец смутилась Виолетта, – совсем уже меня запозорил. Расскажи лучше, что с твоим Референтом?

– Да ничё, – кивнул я в сторону планшета, – фотку вот клянчу уже третью неделю. Не колется. Но официальщина из сообщений исчезла, и подписываться стала «Твоя М».

– А не боишься, что пришлёт фотку, а там дурнушка какая-нибудь? – спросила Виолетта.

– Нет, – задумчиво сказал я, – я думаю, что она не человеческое лицо имеет. Референты часто выбирают себе что-то

отстранённое. Вполне себе может быть русалкой или просто компьютером.

– А зачем тебе тогда с ней эта переписка, – вновь спросила меня Виолетта.

– Для поддержания себя в тонусе, – ответил я, – и вообще, чё это мы меня тут обсуждаем? Ну-ка, быстро марш в душ и спать.

А между тем наступила весна. Расцвели деревья и цветы. Расцвела и моя Виолетта. Мы немного обновили её гардероб. Я настоял на утренних пробежках. Мотивировав это тем, что утром мужики так и норовят познакомиться с красивой бегуньей. И действительно, знакомиться с ней стали чаще. Первые пару раз Виолетта спрашивала меня: мой – не мой? А потом и сама стала в течение нескольких минут ставить диагноз и вежливо отшивать новых знакомцев.

Благодаря хобби, Виолетта завела себе много друзей. И однажды её картину даже кто-то купил. Я, конечно же, поворчал, что это купили ради того, чтобы переспать с ней. Но в душе порадовался за свою подопечную. А потом велел ей собрать все ее картины за несколько месяцев. Отбраковал несколько самых первых. Остальное сгрёб в кучу и отнёс к одной знакомой по имени Катя. Катя вместе с мамой являлась владелицей небольшой картинной галереи. Два часа я пил с Катей кофе, но всё-таки уговорил выставить пару-тройку картин Виолетты. Вместо нескольких набросков Постовита.

Повесили. Через три дня Катя позвонила и сказала, что одну картину купили. И обещали через несколько дней подумать о других.

– Повышай цену в три раза, – велел я ей.

– Ты с ума сошёл, – возразила Катя, – она никому не известна.

– Нет, – ответил я, – в четыре раза. А на девочку с собакой повесь надпись: зарезервирована. Я её потом себе заберу. А когда Виолетта состарится и умрёт, я её продам и стану баснословно богатым.

– Ты авантюрист, – помолчав, сказала Катя, – но что-то действительно в её картинах есть.

– Обычная мазня неудовлетворённой женщины, – пробормотал я и повесил трубку.

Спустя неделю Катя опять позвонила и сказала, что все картины проданы. И не хочу ли я уступить свою картину её постоянному клиенту. Я отказался. На следующий день заехал с Виолеттой за деньгами и забрал картину.

– Нормальное у тебя хобби, – весело сказал я подопечной, – очень денежное. И я всегда в тебя верил. Холсты покупал, краски.

– Да ничего ты не верил, – растерянно сказала Виолетта, – ты всегда кривился, когда на мои картины смотрел. Что мы с этим богатством делать будем?

– Путешествовать поедем, отдыхать и предаваться лени, – ответил я.

– В Афины, на яхте кататься, – вдруг заявила Виолетта, – у меня там подруга живёт. В Лаврио. У неё там дом и кораблик.

– Я никогда не плавал под парусом, – запротестовал было я.

– Не плавал, а ходил, – ответила Виолетта, – и даже если не ходил. Как раз и научишься. Вопросы есть? Вопросов нет.

И мы полетели в Афины. Где нас встретила Юля. Вечно улыбающаяся Юля. Которая опекала нас всю дорогу. Встретила в аэропорту, отвезла к себе домой, напоила, накормила.

– Солнечная женщина, – сказал я, цедя домашний лимонад.

– С двумя прицепами, между прочим, – съязвила Виолетта, – они уже взрослые, правда. С мамой не живут.

– Взрослые не считаются прицепами, – ответил я добродушно, – это уже самостоятельные люди.

– То есть мне с ней дружить можно? – обрадовалась Виолетта.

– Нужно, – кивнул я.

Как оказалось, мы попали не просто на покатушки на кораблике, а на регату. Шесть яхт. Шесть экипажей. Я, естественно, попросился на шестой. Виолетта была на первом, с Юлей. Целую неделю мы плавали, то есть ходили под парусами от одного греческого острова к другому. Ели жареных осьминогов, запеченную в фольге дораду, запивали всё это белым местным вином. Днём устраивали гонки на парусах.

Кто кого. Купались. Я по вечерам отсылал ежедневные отчёты, прикрепляя к ним фотографии с яхтами, дельфинами и греческими монастырями.

Неделя пролетела незаметно. Юля отвезла нас в аэропорт. Поцеловала на прощанье.

Мы сидели с Виолеттой в зале ожидания и ждали посадки на наш рейс. Загорелые и отдохнувшие.

– Хорошо-то как, – вздохнула Виолетта, – домой хочется, а уезжать отсюда тоже не хочется.

– Да, поддержал я её, – благодаря тебе и Юле я влюбился в яхты.

– И я влюбилась в яхты, – улыбнулась Виолетта, – может быть, и не нужен мне никакой мужчина? Буду жить одна, писать картины, ходить на работу, бегать по утрам. Я уже привыкла одна. Мне одной хорошо.

Я хотел что-то ответить, но в это время мой планшет пикнул. Пришло сообщение. От Референта М. С вложением.

– Виолетт, – тихо сказал я, – мне Референт фотку прислал.

– Открывай, открывай немедленно! – завопила Виолетта.

И я открыл.

– Какая она красивая, – протянула мне прямо в ухо подопечная.

– Да уж, – ответил я.

– Она безумно красивая, – не отставала Виолетта, – неземная красота. Одни глаза чего стоят.

– Ты на волосы глянь, – посоветовал я ей.

– Ой, – сказала Виолетта, – это такие змейки, они живые?

– Аха, – ответил я, – живые. Теперь понятно, чего она мне свой портрет не слала. Я же тебе говорил, что референты не имеют человеческий облик. Эта вот любительница греческой мифологии.

– Ты расстроился? – спросила меня Виолетта. – Но ведь ты сам говорил, что у тебя это несерьёзно и тебе этот флирт с Референтом нужен для поддержания тонаса.

– Я и не расстроился, – процедил я, – я заболел. Пойду билет поменяю. Ты лети без меня. Веди себя хорошо. По приезде позвони Кате и сдай ей свои ранние работы. По стоимости я уже договорился.

И я улетел болеть в Амстердам. Люблю я болеть в этом городе. Снял номер на окраине города, занавесил окна и сгонял в близлежащий магазин за лекарством. А потом три дня пил водку с перцем и потел под одеялом. Еду мне носила в номер чёрная как смоль горничная.

Через три дня вышел на улицу. Доехал на трамвае до центра города. Прогулялся вдоль каналов. И полетел к Виолетте, отстучав наверх депешу: «Был на больничном. Возвращаюсь в строй. Целую. Шестой».

От аэропорта взял такси. Вечерело. Было тепло. Поднялся на лифте. Позвонил в дверь. Виолетта открыла. Глаза шальные. Кинулась мне на шею, поцеловала. Я сразу всё понял.

– Он? – спросил.

– Он, точно он, – зашептала мне на ухо, – я уверена. Мой запах. Мой вкус. Мой он.

– Показывай своё сокровище, – отстранив женщину, протопал я на кухню.

За знакомой стойкой на моём излюбленном месте сидел мужик. Низенький, лысоватый. Обычный. С кружкой чая в руке. С кружкой, из которой я обычно чай пью.

– Михаил, – представился он.

– Шестой, – кивнул я и добавил, – имя такое.

– А почему? – удивился Михаил.

– Да нас в семье было шесть братьев, – ответил я, – вот мама и не заморачивалась насчёт имён. Просто номера дала и всё.

– Я тоже младший в семье, – расцвёл в улыбке Миша.

– А я старший, – так же мило улыбнувшись, ответил я.

– А почему? – начал было Михаил.

– Мне некогда, – прервал его я, – буквально на пять минут заскочил к кухне. За картиной. Уезжаю. Далеко. В экспедицию. Виолетта, запакуешь мне полотно?

Моя подопечная очнулась, ойкнула и ускакала в соседнюю комнату заворачивать картину. Всё-таки я её выдрессировал что надо. Сказал – сделала.

– Ну, а тебе как её мазня? – вполголоса спросил я Мишу.

– Хорошие, – осторожно ответил тот, – но я в живописи не очень разбираюсь. Мне ваша сестрёнка нравится. Очень интересная и красивая.

– Порода такая, – ответил я, почесав рукой трёхдневную щетину, – ты её не обижай тут.

– Ни за что, – серьёзно ответил Михаил.

В комнате появилась Виолетта с завёрнутой в бумагу картиной. Я посмотрел на женщину. Потом на Михаила. Они стояли рядом и также смотрели на меня. Он был на несколько сантиметров ниже моей подопечной. Круглое лицо, обычная фигура с немного излишним весом. Но было ясно. Это стоит пара. Моя миссия внезапно закончилась.

– Проводи меня, – попросил я Виолетту.

Пожал руку Михаилу, вышел на лестничную площадку. Виолетта выпорхнула следом. Заглядывая в глаза, горячо мне зашептала:

– Ты не поверишь. Он сосед сверху. Год назад развёлся. Он очень хороший. Он всё, что ты говорил. Я чувствую. Я уже думала, никто мне не нужен. И тут он. В лифте ехали. Он картины помог. К Кате. Та взяла. А он меня подождал. Ну, что ты молчишь? Он это?

Я засмеялся. Отлепил от себя Виолетту.

– Он это, он, – ответил, – видно же любому. Вы уже спали вместе?

– Аха, – покраснела Виолетта.

– Ну и молодцы, – кивнул я.

– Ты уходишь? Насовсем? – спросила она.

– Да, – ответил я, – я всё сделал. Мне теперь отпуск положен. И премиальные.

– А можно я тебе звонить буду? – попросила женщина.

– Звонить нельзя, а смски слать можно, – ответил я, – но-
мер простой: семь семёрок, шесть шестёрок. Пиши.

– Спасибо тебе, мой Ангел, – тихо сказала Виолетта.

– Пожалуйста, – ответил я и добавил: – Иди, он ждёт.

И помни, я за тобой приглядываю.

Развернулся и по лестнице скатился во двор. Вышел. До-
шёл до детской площадки. Уселся на скамейку. Как раз под
фонарём. Достал планшет. Нашёл чей-то бесхозный вай-
фай. И напечатал на экране: «Задание выполнил. Целую».

Посидел. Поглядел в светящиеся окна дома рядом. И до-
бавил: «Референт М, у вас удивительно красивые глаза. Ше-
стой».

Шестой и Стёпа

Посвящаю моему брату Косте.

У меня три раза был страйк. Три раза подряд. Я сиял как начищенный пятак. Жизнь была прекрасна и восхитительна. И я хотел сделать четвёртый страйк. И поэтому придиричиво выбирал, какой шар пустить по дорожке: 13 или 15. Выбрал. Тщательно вытер полотенцем. И тут пришло сообщение:

«Срочно. Дело в приложении. Такси будет через 10 минут у входа в торгово-развлекательный центр. Референт М».

Я отложил шар. Встал. Вполголоса выругался.

– Я в командировку, – сказал друзьям.

И пошёл на выход. Переобулся. И заодно написал сообщение: «А ничего, что я в отпуске? Целую, Шестой».

Ответ пришёл мгновенно: «Возможен суицид. Поспешите. Референт М».

Я поспешил. Прыгнул в ожидавшее меня такси и назвал адрес. Адрес был в деле. Дело было прикреплено к сообщению. Новиков Степан, 29 лет, сетевой администратор. Женат. Новикова Олеся. Судебное заседание о разводе назначено на послезавтра. Дети – девочка 6 лет. Катерина.

Машина остановилась у подъезда. Я расплатился и подскочил к входной двери. Так, квартира 5, Новиков. Позвонил в домофон. Тишина. Снова позвонил.

– Кто там? – раздался уставший голос.

– Санэпидемстанция, – ответил я, – немедленно откройте.

Дверь зажужжала и поддалась. Я бегом поднялся на второй этаж. Нажал на кнопку звонка у двери с номером 5. Дверь открылась.

Степан оказался уже лысеющим мужчиной, одетым в шорты и майку. На майке было написано Berlin Venus. «Прикольный парень», – подумал я.

– Какая ещё санэпидемстанция? – спросил Степан. – Что вам надо?

– Тараканов будем травить, – серьёзно ответил я.

– У меня нет тараканов, – возразил Степан.

– Есть, – не согласился я, – полная голова тараканов. Надо бы разобраться с ними. Может, в квартире поговорим? А, Степан?

– Заходите, – разрешил Степан и, повернувшись ко мне спиной, прошёл внутрь.

Я за ним. Коридор. Скинул мокасины, пиджак повесил на вешалку. Дорожную сумку оставлять не стал. Вошли в комнату. Степан сел на диван. Мне кивнул на кресло напротив. Между нами стоял журнальный столик, на столике лежала газета.

– Вы кто? – спросил Степан.

– Я ваш Ангел-хранитель, – отрапортовал я, – поступил сигнал о суициде. О готовящемся. Прибыл разобраться на месте и принять меры по устранению причины и по профилактике дальнейших неправильных действий с вашей сто-

роны.

Степан озадаченно посмотрел на меня. Я тоже замолчал, поняв, что плету какую-то дичь.

– Ангел, значит, – наконец произнёс Стёпа.

– Аха, – согласился я, – Шестой меня зовут. Вот документы.

И я сунул Степану пластиковую карточку с моей фотографией. Он повертел её, почитал, что там написано, и вернул обратно.

– А что за имя такое, Шестой? – спросил.

– В честь дедушки назвали, – ответил я.

Помолчали.

– Как убивать-то себя собрался? – спросил я. – Таблетки, электричество, автомобиль или ещё что?

– А вы откуда о суициде узнали? – вопросом на вопрос спросил Степан.

– Ну, я же тебе уже рассказал, откуда я, – ответил я, – на тебя тут целое досье прислали. Когда родился, когда женился. Я пока к тебе ехал, немного его полистал. Вроде ты вменяемый. А вот чё-то дурака валяешь. Так чем суицидировать себя собрался, мил человек?

– Пулей, – спокойно ответил Стёпа.

– Охо, серьёзно, – протянул я, – чё за ствол? Покажи. Не бойся, я верну.

Степан усмехнулся и встал. Откинул газету с журнального столика. Под ней лежал вальтер. Чёрный, красивый. Не пи-

столет, а загляденье. Пряма лучший выбор для того, чтобы застрелиться.

Я поднялся. Шагнул к столику. Взял чёрный смертельный механизм в руку. Отстегнул обойму. В ней рыжевато сверкнули патроны. Степан протянул руку.

– Верни.

– Ща, разбежался, – усмехнулся я, – оружие детям не игрушка.

И тут же отлетел к креслу. Удар я пропустил, как последний лох. Расслабился. Зажрался. Прямой правый увидел только тогда, когда его кулак уже врезался в мою верхнюю скулу. Кресло смягчило моё падение. Но ориентацию я на время потерял. В голове загудело. Пистолет отлетел под стоявший у окна стол с аквариумом.

Степан прыгнул к аквариуму, наклонился и полез за вальтером. Нащупал его, вытащил. Начал подниматься. И вот в этот момент я разбил о его голову подвернувшийся под руку стул без спинки. Икеевская табуретка разлетелась на мелкие кусочки. Степан рухнул как подкошенный.

Я даже испугался вначале. Вдруг убил человека? Вот будет весело. Выехал на задание спасти человека и грохнул его при знакомстве.

Но нет. Стёпа был жив. Я спрятал оружие в сумку от греха подальше и усадил раненого на диван. Степан открыл глаза.

– Ствол где? – спросил, морщась от боли.

– Телепортировал, – честно ответил я, – он в другом из-

мерении уже.

– Жалко, – держась за голову, сказал Степан, – я за него кучу денег отвалил.

– Голова болит? – участливо спросил я.

– Болит, – кивнул Степан и тут же скривился от боли, кружится ещё. И тошнит меня.

– Это сотрясение мозга, – диагностировал я, – ща пройдёт.

Я прикоснулся к голове Степана правой рукой. Напрягся. Постарался снять боль. Судя по прояснившемуся взгляду подопечного, боль я у него прошла. Зато у меня заломило виски.

Попросил у хозяина квартиры аспирина. Тот кивнул. Вместе с аспирином Степан притащил мешочек со льдом.

– Приложи, – сказал, – у тебя синяк скоро на пол-лица будет.

Я глянул на себя в зеркало. Мама родная. Левый глаз тонул в синеве. Приложил лёд. Посидели, помолчали.

– Предположим, что ты Ангел, – прервал молчание Степан, – чем ты мне можешь и нужна ли мне эта помощь?

– Нужна, – ответил я, – чё бы я тогда к тебе приехал? Так что давай не драться, а сотрудничать. Лады?

– Лады, – усмехнулся Степан.

– Пароль от вай фая дай, – попросил я его.

Степан продиктовал пароль. Я отправил наверх сообщение: «В контакт вступил. Оружие изъял. Целую. Шестой».

Потом отложил планшет. Удобно сел напротив парня.

– Рассказывай всё по порядку, – сказал ему, – как на духу. Всё.

Степан вздохнул и рассказал свою историю. Было видно, что ему надо выговориться. Поделиться.

С женой он познакомился в институте. Она училась на параллельном потоке. Встречались примерно год. И потом она залетела от него. На одной из вечеринок под рукой не оказалось презерватива. Поженились. Сняли квартиру. Родилась девочка. Помогали родители.

Степан пошёл работать. Он был хорошим специалистом и получал хорошую зарплату. Но денег постоянно не хватало. Жена сидела дома с ребёнком. И очень сильно уставала. Настолько, что забывала приготовить мужу ужин или купить продукты. Да и убираться в съёмной квартире чаще всего приходилось Степану.

Когда дочери исполнилось три года, жена Стёпы вышла на работу. Подвернулось очень хорошее высокооплачиваемое место. Не по специальности, но зато недалеко от дома и с возможностью карьерного роста. Девочку устроили в садик.

Олеся стала ещё больше уставать. Начались командировки. Секс в последний год стал совсем редким. Раз в месяц. Степан мучился от неопределённости, понимал, что что-то происходит. Но сделать ничего не мог.

Денег в семье постоянно не хватало. Приходилось брать подработку на дом. С одной стороны, это выматывало, с дру-

гой стороны – у Степана начали развиваться несколько интернет-проектов. Обещавших принести в ближайшее время неплохой доход.

А потом он случайно узнал, что его тёща, одинокая пенсионерка, купила двухкомнатную квартиру. И в настоящее время там полным ходом идёт ремонт. Ремонт делает его одноклассник. Который-то и поведал Степану об этой квартире и очень удивился, что зять не в курсе роста благосостояния своих родственников.

И Степан решил войти в курс дела. Когда Олеся была в очередной командировке, он вскрыл её аккаунты на Фейсбуке, ВКонтакте и на Одноклассниках. А также два почтовых ящика. Вскрыл и обалдел.

У его жены было два любовника и еще с тремя она флиртowała через интернет. В профилях на службах знакомств Мамба и Бadoo были выложены её фотки с указанием, что она замужем и что ищет щедрого любовника. Имя, правда, было изменено на Катерину. Квартира маме, как и намекнул одноклассник, была куплена на деньги Олеси. Которые она частично получила от своих многочисленных поклонников, а бóльшую сумму взяла в долг. У них же.

Степан потратил целый выходной, копаясь в этой грязи. С перерывом на поход с дочерью в кафешку.

Когда Олеся вернулась из командировки, случился скандал. Вначале она всё отрицала, потом негодовала из-за того, что Стёпа рылся в её переписке. А потом собрала вещи

и уехала. Забрав с собой Катю. Степан подал на развод. Всё. Заседание суда завтра.

Я внимательно выслушал своего подопечного, иногда задавая уточняющие вопросы и сверяясь с материалами, которые у меня были. Выслушал, помолчал. Замолк и Степан.

– Пьёшь? – наконец прервал я молчание вопросом.

– Первую неделю бухал, – ответил Стёпа, – потом понял, что это ещё хуже. Заговариваться стал. Сердце начало болеть. Последнюю неделю только пиво иногда.

– Понятно, – протянул я, – а чего сейчас хочешь?

– Хочу, чтобы было всё как прежде, – наклонив голову, пробормотал Степан, – хочу прежнюю Олесю, хочу дочку видеть. Хочу быть с ними вместе. Я же звонил ей два раза. Просил вернуться, унижался.

– Знаю я про это. Она твои разговоры на диктофон записала, – вздохнул я, – теперь подружкам даёт послушать. Как бесплатное шоу. Как прежде уже не будет. Никогда. Давай-ка ты сопли вытрешь и скажешь, что ты реально хочешь?

Степан поднял на меня глаза. Бледное лицо. Пот на лбу.

– Я хочу всё забыть, – сказал, – я хочу, чтобы у меня не болело в сердце. Хочу, чтобы быстрее всё прошло. Чтобы всё закончилось. У меня уже сил нет.

Я кивнул. Встал. Вышел из комнаты. Налил себе и Стёпе воды на кухне. Вернулся с двумя стаканами.

– Я тебе помогу, – сказал я ему, – но выполнять все мои требования надо безукоснительно и без искажений. Готов?

– Всегда готов, – невесело усмехнулся Степан.

– Тогда слушай и выполняй, – сказал я, – первое, что мы сделаем завтра утром, это пойдём к нотариусу, и ты подпишешь на меня доверенность на ведение твоих дел в суде. Ты там больше не появляешься. И даже не спрашиваешь, как идут дела. Я просто тебе сообщу о разводе и всё.

– Но я хочу сам в глаза этой гадине всё сказать... – начал было Степан.

– А мне наплевать на то, что ты хочешь, – остановил я его, – мне насрать на твои хотелки. Надо делать не что хочешь, а что надо. Вопросы есть?

– Вопросов нет, – кивнул Степан.

– Второе, – продолжил я, – ты удаляешь всё, что связано с твоей бывшей, из компьютера и из квартиры. В телефоне её номер, номера её подружек и мамы заносишь в чёрный список. Из аккаунтов выпиливаешь даже малейшее упоминание о ней. И тех, кто может о ней напомнить. Она умерла для тебя. Она и не рождалась даже. Вопросы есть?

– Есть, – встрепенулся Степан, – а если она с другого телефона позвонит? Мало ли.

– Скажешь, что ты умер, и повесишь трубку, – ответил я и продолжил: – Третье. Занимаешься своими проектами и вообще работой. Я тут глянул на твои сайты. Очень даже неплохо. Но надо увеличить посещаемость. И меню у тебя немного запутанное. Но это мы позже разберём. Вечером. Четвёртое. Сменить гардероб. Что это за штаны Адидас с от-

висшими коленками? На дворе 21 век, а ты одет как гопник. И покажи, что ты на работу и на улицу надеваешь.

Степан встал. Открыл платяной шкаф. Из одежды у него преобладали в основном мешковатые свитера и дешёвые слаксы защитного зелёного цвета. А также различные майки.

– Кто формировал гардероб? – спросил я, заранее зная ответ.

– Олеся, – ответил Степан, – я же ей все деньги отдавал, а она покупала еду и одежду.

– Вот поэтому у вас денег и не было никогда, – проворчал я и добавил: – Сейчас деньги есть свободные?

– Есть, – кивнул Стёпа, – вчера зарплата была, и друг долг вернул полторы тыщи евро.

– А к костюмам ты как относишься? – задумчиво спросил я.

– Нравятся, – ответил Степан, – у меня есть один, со свадьбы остался.

– Свадебный тоже выкинем, – сказал я ему, – вместе с этим набором юного натуралиста. Сейчас пойдём покупать тебе первый костюм. Ботинки и по мелочи там. Вопросы есть?

– Вопросов нет, – эхом отозвался Степан.

Я нашёл по карте ближайший торговый центр, и мы отправились тратить деньги Степана. Костюм подобрали тёмный, в синюю полоску, хоть и местного производства, но очень даже отлично сшитый. Заодно прикупили парочку симпатич-

ных пиджаков. Тут же сдали это всё на ушивку и подгонку. Обувь взяли марки Aldo, классические чёрные ботинки. Единственный раз Степан заартачился, когда мы покупали рубашки. Мой подопечный не мог понять, почему надо обязательно брать сорочку за 120 евро, а не купить что-нибудь подешевле. Пришлось полчаса объяснять ему, что такое рубашка в одежде мужчины и что она не должна быть дешёвой. Рассказал, убедил. Но от галстуков Степан категорически отказался. Но я и не настаивал. Сам их не люблю.

Перекусили в фастфуде салатиками. Степан хотел взять пивка, но я запретил.

– Алкоголь, наркотики и секс под запретом, – жуя лист салата, поведал я ему.

– И секс? – удивился Степан.

– Ага, – ответил я, – и это тоже. Но тебе будет не до него. А допустить новые отношения, когда старые страсти ещё не улеглись, это очень глупо. И вообще. Это для тебя ситуация уникальная, то, что сейчас происходит. А я такого не смотрелся на своей работе. Всё одно и то же. Всё одинаково. Поэтому просто выполняй все мои рекомендации и будет тебе счастье.

– Хорошо, согласился Степан, – терять мне нечего. Кроме денег. Которые мы тут на шмотки потратили. Почти штуку евро.

– Кстати, да, – согласился я, – что-то мы всё по одежде да по одежде. Пойдём-ка и в другие магазины сходим.

И я потащил Степана вначале в парфюмерный магазин, потом в парикмахерскую. Заглянули и в спортивный, где взяли кеды и штаны для бега. Уже поздно вечером забрали ушитые костюмы и отправились домой. Где и обмыли покупки домашним лимонадом.

Утром было воскресенье. В выходной люди любят поспать подольше. А я встаю как обычно, в шесть утра. И тихонько занимаюсь своими делами. Проверяю почту, флужу на форумах, читаю книгу, слушаю музыку. В это воскресенье я слушал новую песню Кима и тихонько напевал: «Гори моя звезда, пока мне хватит дури...» И в этот момент из спальни выплыл Степан. В трусах и в майке. Злой и невыспавшийся, судя по виду. Он плюхнулся на кресло напротив.

– Доброе утро, – вежливо сказал я.

– Утро добрым не бывает, – отозвался Степан, – она мне снилась под утро. Ты же обещал, что всё пройдёт.

– Обещал, – подтвердил я, – но это не значит, что сразу. У меня нет волшебной палочки. Я всего лишь Ангел. Я помогаю. Но всё зависит от тебя.

– И что мне делать? – уже спокойнее спросил Степан.

– Тебе надо избавиться от психологической зависимости от неё, – сказал я, – для этого нужно соблюдать следующие вещи. Выкинуть всё, что с ней связано. Не вспоминать о ней. Сменить образ жизни. Меняясь наружно, ты меняешься внутри. Костюмы мы купили. Но сейчас надеваешь спортивное и бегом на пробежку. Лучший способ забыть быв-

шую – это бег или велосипед. Каждое утро. Каждый день.

И мы побежали. По довольно живописному парку, рядом с которым жил Степан. Один круг, второй. Остановились покормить уток.

– А дочка? – спросил Степан. – Она же не даёт её видеть. А я люблю ребенка. Катя же не виновата.

– Чё-то ты о дочке не думал, когда стреляться собирался, – съязвил я, а потом добавил: – Дочка у тебя маленькая, никуда она не денется. Поживёт с мамой. Потом страсти остынут, может быть, о чём-то договоритесь. Сейчас в твоём состоянии с ней лучше не видеться. Всё потом. А сейчас побежали.

– Когда потом? – крикнул мне в спину Степан.

– Когда у тебя яйца вырастут, – бросил я ему через плечо.

Побегали. Долго. Выходной же. Вернулись домой к Степану. Позавтракали. Яичницей. Которую я забраковал. Разгорелся кулинарный спор. В результате которого мы съездили в магазин и купили мультиварку.

– Это самое лучшее, что придумало человечество в последнее время, – заверил я Степана, – вот этот кусок железа с кнопками упростит твою жизнь и сделает её менее зависимой от женщин.

Потом мы готовили обед на купленной мультиварке. Курицу с гречневой кашей. Получилось очень вкусно.

После обеда Стёпа показывал мне свои проекты. Я их нещадно критиковал. На месте исправлялись ошибки и вносились изменения. За компом мы просидели до самого вече-

ра. Поужинали остатками курицы и разошлись.

Утром Степан умчался на работу. Предварительно за-
скочив к нотариусу, у которого мы заверили доверенность.
И с которой я отправился в суд.

Олеся подъехала к зданию суда на Прадо. Чёрным пар-
кетником управлял мужик в сером пиджаке. Он выбежал
из машины и открыл дверь перед женой Степана. Та выплы-
ла из авто в каком-то модном платье синего цвета с блёстка-
ми. Туфли на высоких каблуках. Тоже синие. Прошла в зда-
ние суда. Я отправился следом. Присел в коридоре напротив.

– Степана не будет, – сказал просто, – я вместо него.

– А вы кто? – блеснула на меня глазками Олеся.

– Адвокат его, – ответил я.

В это время нас вызвали в зал суда. Судья, худая тётка
лет пятидесяти, в очках и с короткой причёской, попросила
документы. Я протянул доверенность.

– Что за имя такое, Шестой? – спросила брезгливо.

– Родители назвали, в честь советского фильма. Не смот-
рели? Режиссёр Гаспаров, – как по учебнику, ответил я.

– Нет, не смотрела, – отозвалась судья.

И приступила к процедуре развода. Было скучно и неин-
тересно. От примирения я отказался. Категорически.

С кем будет проживать ребенок? Я попросил оставить
у отца, заранее зная ответ.

– Ребенок – маленькая девочка, – чётко выговаривая сло-
ва, произнесла судья, – как вы это представляете? Что девоч-

ку воспитывает отец. Почему не мать?

– Потому что мать у неё блядь, – грустно сказал я, – и эта мать воспитает такую же блядь. Собственным примером.

– Ещё раз выматеритесь в здании суда, я вас накажу, – прошипела судья.

И постановила. Супругов Новиковых развести. Олесе вернуть её девичью фамилию. Девочку оставить жить у матери...

О чём я и рассказал вечером Степану. Он воспринял мой рассказ спокойно. Видимо, мои утренние слова дошли до него.

После чего мы посмотрели свежую комедию. Поработали над Степиными проектами. И он отправился спать.

Рано утром подъём. Пробежка. Душ, завтрак, работа.

Я уговорил Степана бегать по парку ещё и вечером. И ему это очень нравилось. И благотворно влияло на него.

Всё свободное время он теперь проводил за компьютером. Холя и лелея свои сайты. Иногда мы выбирались в кино или в бар. Но без алкоголя. Просто прошвырнуться. Себя показать, на людей посмотреть. Кроме этого из квартиры были выкинуты все фотографии, вещи и вообще любое напоминание о его бывшей жене.

Я нянчился со Стёпой, как с ребёнком. Бывали периоды, что он радовался жизни, а бывало, что впадал в тоску, вспоминая свою бывшую. В этот момент я пытался его растормошить, куда-нибудь вытащить. В кино, на прогулку, в гости.

Старался отвлечь его.

Уставал я от этого жутко. Жить жизнью другого человека, постоянно контролируя его, это очень и очень тяжело.

Хорошо хоть Олеся не беспокоила. Первые два месяца. Спустя два месяца после развода она позвонила мне. Сказала, что хочет со мной поговорить, так как в суде я дал ей свою визитку.

– Странный у вас номер, – сказала она, представившись.

– Слушаю вас, – сухо ответил я.

– Вы же до сих пор адвокат Степана? – спросила меня Олеся – Я не могу до него дозвониться. А у нас остались нерешённые дела.

– Сегодня в 16.00 в центральном парке, устроит? – спросил я.

– Хорошо, около входа, – ответила Олеся и повесила трубку.

Ровно в четыре вечера я сидел на скамейке у входа в центральный парк. Спиной к дороге. И якобы не видел, что Олеся приехала на встречу на синем Мерседесе. Дверь ей, правда, никто не открывал. Вышла сама, улыбнулась водителю и процокала ко мне на скамейку. Приземлилась рядом.

– Добрый день, господин адвокат.

– И вам не хворать, барышня, – отозвался я.

– В общем, дело у меня к Степану, – начала она, – нужны деньги на его дочь. Ребёнок, он же кушать просит, и одевать что-то надо. Растёт.

– Без проблем, – ответил я, – подавайте на алименты, и у Степана их будут вычитать из зарплаты.

– Ну, зачем так официально? – улыбнулась мне Олеся. – Может, просто договоримся, что он будет посылать мне на счёт определённую сумму?

– Нет, – прервал я её улыбку, – давайте через суд. И вам и нам будет так проще. Я сегодня на мейл сброшу исковое заявление, зайдёте завтра и подадите.

– У меня есть свой адвокат, – дёрнула подбородком Олеся.

– Тот, кто вас подвёз сюда, Василий, он не адвокат, – медленно и чётко произнёс я, – он юрконсульт в строительной компании. Кстати, того, кто вас в суд подвозил, тоже Василием звали. Вы их по именам, чтобы не путать, подбираете, что ли?

– Да как вы смеете, – зашипела Олеся, а потом вдруг потише спросила: – А вы откуда знаете? Это мой муж вас нанял следить за мной?

– Во-первых, – усмехнулся я, – Стёпа не ваш муж. Он ваш бывший муж. И он совсем не в курсе моих возможностей.

– Бывших мужей не бывает, – перебила меня Олеся.

– Для вас он бывший, – продолжил я. – Во-вторых. Я знаю очень много о вас и о ваших Васьках. Не специально, так получилось. В-третьих. Я не люблю ругаться и стараюсь, чтобы все были довольны. Поэтому-то и предлагаю вам сотрудничество. Чтобы и вы были довольны, и ребёнок, и Стёпа. И, в-четвёртых. Если вы не дурочка и согласитесь на мои пред-

ложения, то я вам и дальше помогу, чисто по жизни. И вы мне за эту подсказку будете очень благодарны.

Олеся задумалась. Взглянула на меня. Поправила рукой волосы. Как бы невзначай коснулась руки.

– А у вас есть девушка? – спросила вдруг.

– У меня платонический служебный роман, – улыбнулся я ей, – и вообще, зовут меня не Вася.

– Вот пристали вы с этим именем, – нахмурилась Олеся, – мне-то какая радость от ваших предложений?

– Большая, – сказал я, – вы получаете алименты на ребёнка, вы на выходные остаётесь одна, без ребёнка, и можете весело проводить время со своими Василиями и строить свою личную жизнь. Ну, и моя помощь спасёт вас. В прямом смысле.

– А вы кто вообще? – спросила меня Олеся. – Кто вы Степану?

– Я его Ангел-хранитель, – серьёзно ответил я.

– А какая зарплата сейчас у Степана? – последовал очередной вопрос.

– Очень приличная, – ответил я, – и он не собирается уводить её в тень. Мало того, если вы будете оставлять ему ребёнка, он будет ей покупать вещи, одежду, игрушки. Стёпа же любит свою дочь. Только не надо ею шантажировать. Сразу предупреждаю. Сделаете только хуже себе.

Олеся снова задумалась. Пожевала нижней губу.

– Я согласна, – сказала, – прям какая-то сделка с дьяво-

лом. Кровью нигде не надо подписывать? И когда вы мне дадите свой совет? Который мне поможет?

– Хорошо, что согласны, – медленно ответил я, – тогда по рукам. Но предупреждаю, что если вы нарушите нашу договорённость, то я вас накажу.

И я, взяв Олесю за руку, уставился ей в глаза. Взгляд этот я тренировал, и обычно он надолго запоминается. Подбородок вперёд, глаза широко открыты, пристально смотреть не на лицо, а вглубь человека, в его затылок. Ну и полная серьёзность. И не мигать. Минуты три.

Посмотрел, отпустил руку. Затем наклонился к её уху. В нос ударил Шанель, пятый номер.

– Ваш нынешний Васек с вами сексом в презервативе же занимается, – начал я, – говорит, чтобы детей не было?

– А откуда вы... – и осеклась.

– Так вот, – как ни в чём ни бывало продолжил я, – он это не из-за детей, а из-за...

И я, воткнувшись губами в Шанель номер пять, произнёс один медицинский термин. От которого Олеся подпрыгнула как ужаленная.

– Мамочки, – сказала, – я всё поняла. Я согласна на алименты и на свидания Стёпы с ребёнком. А этого козла выгоно сегодня же. Спасибо вам.

И, не дождавшись моего пожалуйста, умчалась в сторону парка.

А я достал планшет и отчитался наверх: «Беседа проведе-

на, спасибо за оперативные данные. Целую. Шестой».

Через несколько секунд получил ответ: «Вы зачем опорочили Василия? У него же обычный хламидиоз. Референт М».

Я не ответил. А лишь коварно улыбнулся, подняв голову вверх.

Вечером я скинул Олеся исковое заявление и соглашение по ребёнку, которое регулировало частоту свиданий и их продолжительность. Получил от неё подробный отчёт, когда и что она подпишет. Про своего Василия не написала ни слова. Лишь в постскрипуме спросила: а может быть, ей стоит вернуться к Степану? На что я ответил: даже не думай. Перейдя с ней на ты. Олеся ответила: хорошо.

Прошёл ещё месяц. Степан уже почти не вспоминал свою старую семью. Но и новую не стремился завести. Иногда встречался с кем-нибудь. Но, как правило, один или два раза. Тем более познакомиться с девушкой у него проблем не было. В костюме, подкачанный, уверенный в себе, он притягивал женщин как магнит.

Один из его проектов вдруг выстрелил. Набрал популярность и начал приносить ощутимые деньги. Степан на первый гонорар купил себе велосипед и теперь вместо бега наматывал круги по парку. Я посмеялся над тем, что он купил велик осенью. Перед зимой. Но Стёпа ответил, что после зимы будет весна. И тогда я понял, что всё, я уже ему не нужен. Парень переболел и может дальше по жизни плыть самосто-

ятельно.

Я зарезервировал столик в ближайшем ресторане. Маленьком и по-семейному уютном. Пригласил Степана. Сели, выпили по стакану минералки. В ожидании горячего я достал из сумки бумаги.

– Я тут насчёт Олеси, – начал я.

– Какой Олеси? – удивился Степан, а потом рассмеялся: – Ах да. Извини. Ты так усиленно меня оберегал от всего, что я и правда забыл про свою бывшую жену.

– Бывает, – я внимательно посмотрел на Степана. Нет, он не играл.

– Вот постановление на алименты, – продолжил я, – вчера буквально пришло, будут вычитать из зарплаты. Вот наш договор о ребёнке.

Степан взял в руки бумаги. Нахмурился. Внимательно прочёл. Лицо его просияло.

– Я могу видаться с Катей? – спросил.

– Да, – ответил я, – по договорённости можешь даже забирать на выходные. Но смотри. Будет ставить условия, не ломайся. Будь твёрдым. Ты имеешь такое же право на своего ребёнка, как и она.

– Я понял, – сказал Степан, – я уже не поведусь. У меня отросли яйца. Я вообще не понимаю, чего я так унижался перед этой женщиной. Сейчас вспоминаю, стыдно даже.

– Что с пистолетом-то? – перебил я его. – Тебе вернуть или от греха подальше заныкать?

– Я думал, ты его того, телепортировал, – рассмеялся Степан, – нет, не нужен он мне. Телепортируй до конца.

– Хорошо, – кивнул я и поднялся.

– Уходишь? – растерянно спросил Степан.

– Да, – ответил я.

– Совсем? – понял он.

– Да, совсем, – отозвался я, – надоело мне с тобой нянчиться. Ты уже взрослый. Сам теперь. Всё сам.

– А утка? – спросил Степан. – Уже же принесут скоро. Тут отличная утка.

– Уткой вон ту девушку угости, – кивнул я на соседний столик, – одна сидит. Скажи, что меня в командировку вызвали. Срочно. Отличный повод для знакомства.

Степан встал. Обошёл стол. Неуклюже обнял меня.

– Спасибо, – сказал.

– Не за что, – отозвался я и добавил: – Не подводи меня. Зимой бег, летом велосипед. И не сачкуй.

Затем высвободился из Стёпиных объятий и вышел из ресторана.

Начинался дождь. Он падал сверху, стекал по листьям деревьев, по асфальту, смывая летнюю пыль.

Я поднял руку. Жёлтое такси мягко затормозило около меня. Открыл дверь. Сел.

– В аэропорт, – сказал.

– Улетаете? – спросил водитель.

– Да, пора уже, – ответил я, – крылья чешутся полетать.

Водитель вежливо посмеялся моей шутке и включил радио. Из динамиков захрипел Высоцкий. Дождь за окном усилился.

Шестой и девочка

Посвящаю моему крестнику Сашке.

Я сидел около Колоннады на скамейке в Карловых Варах и пил водичку. Из специального стаканчика с длинным носиком. Пил и переглядывался с двумя русскими туристками, расположившимися на соседней скамейке. Те тоже пили водичку и хихикали. И только я собрался встать и предложить им бахнуть бехеровки, как вдруг зазвонил телефон. У меня.

Цедя солёную водичку, я достал телефон и посмотрел на дисплей. И поперхнулся, облившись тёплой минералкой. На дисплее было написано: Референт М. Хотя номер я её никогда не знал. Она мне никогда не звонила. Да я вообще думал, что она никогда не пользуется телефоном. Референты никогда не звонят Ангелам. По крайней мере, я об этом не слышал.

Я отложил кружку, строго зыркнул на веселящихся подружек и ответил на вызов.

– Шестой на связи.

– Здравствуй, Шестой, – раздалось в трубке.

Голос у Референта М. был похож на голос Дорониной. Такой же томный и глубокий. Аж мурашки по коже.

– Что-то случилось? – спросил я. – Что-то срочное?

– Нет, не срочное, – ответила Референт М, – но дело довольно деликатное. Раньше ты вытаскивал из беды взрос-

лых людей. Сейчас надо помочь 8-летней девочке. Ей очень и очень плохо. Потому что её родители хотят развестись. Дело непростое. Ребёнок. Я не знаю, почему посылают тебя. Ты же циник и хулиган. А тут ребёнок. Поэтому у меня личная просьба, будь поделикатнее. Материалы дела я скинула на почту. Проверь.

В трубке раздалось шипение.

– Да ты сегодня не расчѐсанная, – ляпнул я.

Референт М рассмеялась. И отключилась.

– Жена звонила? – спросила одна из веселящихся подружек.

– Если бы, – вздохнул я. – По работе. Срочно вызывают. Счастливо оставаться, девчонки. Не пейте много из тринадцатого источника. От него живот пучит.

И я поехал в аэропорт. И вечером уже был на месте.

Тихий уютный двор. Детская площадка. Две мамы с колясками. И девочка на качелях. Сидит, тихонько качается и смотрит в небо.

Я вежливо поздоровался с мамами. Сел на соседние с девочкой качели.

– Привет, Ирочка, – сказал ей.

– Здравствуйте, – ответила девочка, – а вы кто?

– Я Ангел, – ответил я, – Шестой.

– Вы на писателя похожи, на детского сказочника, – посмотрев на меня, ответила девочка.

– Почему это на сказочника? – опешил я.

– Не знаю. Похожи и всё тут, – ответила Ира.

– Ну, про писателя ты первая, кто мне говорит, – сказал я ей, – хотя да, пишу я много. Но в основном отчёты.

– Ой, а мне сказку напишете? – встрепенулась девочка.

– Смотря какую, – ответил я, – от отчётов к сказке для меня будет большой прогресс в творческом плане.

– Про русалку сказка, – начала Ира, – и про семь гномов. Мама с папой ждут ребёночка-русалку. И когда мама родила русалку, ей стало очень плохо.

– По-моему, гномы тут не в тему, – осторожно заметил я.

– Хорошо, – согласилась Ира, – гномов не надо, пусть будут мелкие русалки.

– Тогда может не про русалку, а про принцессу? – осмелел я.

– Можно и про принцессу, – так же легко согласилась Ира. – Значит, мелкие русалки и принцесса. И вот когда принцессе было два года, её папа нашёл другую. И ушёл.

– Стоп, – сказал я, – ты вообще в курсе, что все сказки должны быть весёлыми и добрыми? И хорошо заканчиваться.

– Так эта и должна хорошо закончиться, – посмотрев мне прямо в глаза, сказала девочка, – вы же можете написать хорошее окончание?..

– Ты кто такой? – раздалось у меня над ухом. – Ты что к моему ребёнку пристаёшь?

Я повернулся. Рядом с качелями стоял отец Ирочки. Ма-

маши с колясками смотрели на нас настороженно. В руке одной из них был зажат телефон.

– Евгений Нечаев? – улыбнулся я мужчине. – Вы не беспокойтесь. Я из опеки.

И я, порывшись в дорожной сумке, протянул отцу Ирочки удостоверение. Евгений взял его, внимательно изучил.

– А что за имя такое, Шестой? – спросил только.

– Ну, вы же образованный человек, – покачал я головой, – именно на шестой день по Библии и был сотворён человек. По образу и подобию. А меня в честь этого знаменательного события и назвали.

– А разве не на седьмой день человека сделали? – спросил Евгений.

– На седьмой день все нормальные боги отдыхают, – нравоучительно сказал я, – и нормальные люди тоже. А вы, судя по всему, только-только с работы идёте. Хотя время уже к вечеру и день воскресный.

– Мой папа много работает, – заступилась за отца Ира.

– Я знаю, – ответил я, – ландшафтный дизайн. А мама твоя где?

– Мама с подружками в кафе, тут рядом, – отрапортовала Ира, – а за мной тётя Света следит.

И Ирочка кивнула на мамашу с телефоном. Та робко улыбнулась.

– Мне бы с вами поговорить, – сказал я, – с каждым по отдельности и вместе.

– Вы мне сказку напишете? – спросила Ира, – со мной вы уже говорили, Шестой.

– Постараюсь, – ответил я, – я не специалист по детским сказкам. Я всё больше по вопросам спасения души. Но постараюсь.

Я кивнул Ириному отцу, и мы отошли в сторонку. Подальше от ушей двух мамочек. Я рассказал Жене про только что услышанную сказку.

– Вы разводиться собрались? – спросил прямо.

– Да нет, слово развод у нас в семье под запретом, – ответил Евгений, – видимо, или Люба с подругами при ребёнке говорила, или дочка что-то почувствовала.

– У тебя баба есть? – глядя прямо в глаза Евгению, спросил я. – Изменял жене?

– Нет, смутился Женя, – и с чего это вдруг такие вопросы?

– В глаза смотри, – попросил я, – в глаза. Чего смущаешься?

– Да на корпоративе последнем по пьяни из бухгалтерии с одной целовался, – окончательно покраснев, сказал Евгений, – и чего это я тебе рассказываю?

– Потому что должен, – сказал я, всё так же пристально глядя на Евгения, – должен всё рассказать, и мы найдём выход из любой ситуации. А корпоративы зло. Кто их только придумал.

– Не знаю, – пожал плечами Евгений, – но то, что зло, соглашусь.

– Кстати, – перебил я его, – никогда никому не признавайся в измене. Даже если к стенке припёрли. Нет и всё. Не было ничего.

– Так ведь и правда ничего не было, – сказал Евгений.

– Не было, – кивнул я, – но поцелуи были. А остальное твоя женщина домыслит. Так что молчи про всё. И про поцелуи, и даже про лёгкий флирт. Вопросы есть?

– Нет, – ответил, Евгений. – Вы точно с опеки? Как-то странно всё.

– А чего странного? – удивился я, – у вас ребёнок сказки про развод сочиняет. Вы дома не появляетесь, а мать с подружками где-то зависает. Это она идёт?

К Ире приблизилась полноватая блондинка. Что-то спросила. Посмотрела в нашу сторону. Подошла.

– Здравствуйте, я Люба, – представилась.

– Шестой, – буркнул я, – вы где, мамаша, бродите?

– С девочками в караоке сидела, – отозвалась Люба, – у меня ребёнок под присмотром, всё нормально.

– Что нормального? – возмутился я. – Ира вам что, щенок? Которого в коробку посадили и велели сидеть тихо. А караоке зло.

– Вы же говорили, что корпоративы зло, – подал голос Евгений.

– И корпоративы, и караоке, – ответил я, – вам надо ребёнка воспитывать. Личным примером. Всей семьёй. А то один на работе, а вторая в караоке. А дитё у чужой тётки под

присмотром.

– Она не чужая, – обиделась Люба.

– Ладно, – я поднял руки вверх ладонями, – давайте все успокоимся. Женя, вы с Ирой идите домой. А я с Любой побеседую минут десять и тоже подойду.

Люба послушно села на скамейку. А Евгений с Ирой отправились домой. Дамочки с колясками пошущукались и, опасливо озираясь, тоже куда-то слиняли.

– Рассказывай, – попросил я женщину, – что у вас в семье происходит?

– А почему я вам что-то должна рассказывать? – удивилась та. – Вы кто такой, чтобы влезать в наши отношения?

– Я Ангел, – просто ответил я, – а рассказывают мне обычно всё. Дар у меня такой. Как сыворотка правды. Посмотрят в глаза, найдут в них понимание и рассказывают. Посмотри мне в глаза.

Люба посмотрела на меня.

– А с Женей вы говорили? – спросила, поколебавшись.

– Говорил, – ответил я, – только давай на ты.

– Хорошо, – кивнула головой Люба, – на ты так на ты. А он мне изменяет? Раз уж так, то откровенность за откровенность.

– Нет, не изменяет, – вздохнул я, – он тебя любит.

– И я его люблю, – заплакала вдруг Люба, – но только его постоянно дома нет. Целыми днями на своей проклятой работе пропадает. Может, завёл себе кого уже. А я тут как дура.

– Нет у него никого, – повторил я, – работает он, а не по бабам шляется. И ты это знаешь. Сама себя накручиваешь зачем-то.

– А чего он дома не шляется? – вдруг перешла в наступление Люба. – Сделал ребёнка, а я тут сижу с ним целыми днями. У него понятное дело, работа любимая, люди, общение. А я одна, как клуша, с ребёнком сижу.

– Аха, вижу я, как ты с ребёнком сидишь, – съязвил я, – в караоке с подружками.

– Это только сегодня, – попыталась оправдаться Люба.

– А вчера просто кофе пили, а позавчера кости мужьям перемывали, – продолжил я, – у вас эти бабские встречи стали очень частыми. Ты не находишь? Муж твой, между прочим, с мужиками очень редко сидит где-то. Обычно домой торопится. Думает, что дом у него тыл. Прикрытый. Ты же пойми. Раз дом тыл, то передовая – это его работа. И он как боец где больше должен быть? На передовой или в тылу?

Мы поднялись и пошли к дому.

– Я его целыми днями не вижу, – сказала Люба, – он всё на работе и на работе. Совсем не уделяет мне внимания.

– Он работу работает, а не балду гоняет, – вновь возразил я, – а вот ты как раз сегодня чёрт-те чем занималась. Лучше бы дочку научила суп готовить. А не в микрофон фальшивым голосом популярные песни орать. Что у нас на ужин-то сегодня?

На ужин были пельмени. Покупные.

Я красноречиво посмотрел на Любу. Она густо покраснела и ринулась делать салат. Из тунца и рукколы. Не бог весть что, но хоть не одни только пельмени.

Поужинали в тишине. Лишь Ирочка задала мне один вопрос.

– Вы с нами жить будете? – спросила.

– Нет, – ответил я, – но я буду каждый день приходить.

– А зачем?

– Буду думать, как твою сказку сделать со счастливым концом, – улыбнулся я Ире.

Доели пельмени. Попили чаю. Женя предложил было по 100 грамм, но я отказался.

Потом родители уложили ребёнка. Вдвоём. Я сидел на кухне и ждал их. Вернулись. Сели за стол, плечо к плечу, напротив меня. Помолчали.

– Итак, подведём итоги сегодняшнего дня, – начал я, – в принципе, ничего страшного у вас ещё не произошло. Но произойдет, если вы не предпримете некоторых мер.

– А каких? – спросил Евгений.

– Вы разговариваете на разных языках, – сказал я, – вы не слышите друг друга. Разговариваете сами с собой. А надо друг с другом.

– Я говорю, – начала было Люба.

– Нет, – прервал я её, – ты не говоришь, а пилишь. Ты очень много произносишь слов. Большинство из них мусор. «Неуделяешь внимания» – это мусор, а не слова. Он вооб-

ще-то работает. Чтобы вам было что кушать. А ты говоришь, что не уделяет внимания.

– Вот и я про это, – попытался встрять Женя.

– Не перебивай, – осадил я его, – до тебя ещё доберёмся. Сначала советы Любе. Не надо много говорить. Если ты хочешь что-то сказать мужу, то достаточно пары фраз. Что тебе не нравится, как ты хочешь это исправить и что ждёшь от мужа. Всё. Не надо забивать ему мозг лишними словами.

– А если он всё равно не понимает? – спросила Люба.

– Напиши ему, – усмехнулся я.

– Как это? – растерялась Люба. – Заказное письмо, что ли?

– Фигвам мне нарисуй, – рассмеялся Женя.

Люба улыбнулась.

– Хочешь заказное, хочешь просто на бумаге, – сказал я, – иногда написанное лучше воспринимается, чем произнесённое. Это не значит, что теперь надо заняться только эпистолярным жанром. Но я бы вам рекомендовал эту практику применить.

– А в этом что-то есть, – задумчиво протянула Люба, – а может, просто смски слать друг другу?

– Нет, – отзывался я, – смски немного другое. Они стираются и вообще. Это как читать книгу. Бумажную и электронную. Текст одинаковый, а ощущения разные.

– Понятно, – сказала Люба, – завтра заеду и куплю блокноты. Ещё что-то?

– Ещё что-то, – передразнил я её. – Что мы сегодня ели

на ужин? Почему холодильник пуст, как будто он только что из магазина одиноких холодильников привезён?

– Я поняла, – сказала Люба и покраснела, – я всё поняла. Просто мы с девочками засиделись. Я не успела ничего приготовить.

– Про девочек я уже говорил, – напомнил я, – подружки хорошо, но с ними не жить. Жить тебе с мужем и дочкой. Долго и счастливо.

– Я поняла, – повторила Люба.

– Теперь ты, – я повернулся к Жене.

– А что я? – удивился тот. – Я работаю, семью обеспечиваю. А вместо благодарности каждый день вынос мозга.

– Ты вообще-то глава семьи, а не раб на галерах, – напомнил я Жене его роль, – что ты всё время работой прикрываешься? Ты рули своей семьёй.

– Я рулю, – нахмурился Евгений.

– Не видно, – стальным голосом сказал я, – жена твоя хрену мается, пожрать даже не приготовит. Ребёнок отца совсем не видит. На кой ты её рожал? Чтобы работать с утра до вечера?

– Я хочу, как лучше, – сжав губы, сказал Женя.

– Хорошо, согласился я, – лучше так лучше. Только Ирке нужен папа. Который её в зоопарк сводит. Или в кино. Пойми, если ваш брак рухнет, то ты будешь выходным папой. И парадокс в том, что ты только тогда найдёшь время для общения с ребёнком. Может, не стоит доводить дело до это-

го, а выкроить время сейчас?

– Я понял, – кивнул головой Женя.

– Блин, вы такие понятливые, что с вами даже скучно, – рассмеялся я. – Ладно, я ухожу, а вы переваривайте, чего я вам тут наговорил. Вопросы есть?

– Вопросов нет, – выдохнули оба.

И я ушёл. Чтобы прийти в шесть утра.

Звонить в дверь не стал. Вошёл, открыв дверь ключом, сташенным с тумбочки у двери накануне.

Женя вышел из туалета. Удивлённо посмотрел на меня.

– Буди жену, – велел я ему, – пусть завтрак готовит.

– Да я сам, – сказал он, – я по утрам овсянку ем. Здоровое питание, и мне очень нравится. Особенно с мёдом и орехами.

– Буди, буди, – улыбнулся я своей фирменной улыбкой, – пусть накормит, проводит, а потом может и поспать немного.

Разбудили Любу. Она встала, почистила зубы и приготовила завтрак. А потом ей расхотелось спать. Мы проводили Женю на работу и примерно полчаса разговаривали на разные темы. Пока не проснулась Ирочка.

Завтрак. Люба собрала Иру в школу и проводила её. Вернулась.

Принялась за уборку. Пылесос, пыль. Посуда. Самый большой бардак был в Ириной комнате.

– И так каждый день, – проворчала Люба, – утром уберешь, вечером опять бардак. И грязно.

– Так, возможно, проще приучить ребёнка за собой уби-

рать, – посоветовал я, – чем каждый день надрываться? Она уже взрослая. Вполне может за собой поухаживать. Не трогай её комнату. Вернётся из школы, проведи беседу, и пусть наводит порядок в собственной комнате сама.

– А если она не будет? – спросила Люба.

– Как это не будет? – удивился я. – Ты же мать. Найди нужные слова для своего ребёнка. Если она тебя сейчас не слушается, то что будет, когда у неё гормональная перестройка организма начнётся? Приучай девочку к порядку. И к послушанию. Если что, подключишь к воспитательному процессу мужа. Или меня. Вопросы есть?

– Есть, – кивнула головой Люба, – мне чем заниматься? К подругам нельзя, убираться нельзя. Телевизор смотреть?

– Телевизор зло, – усмехнулся я. – Ты же взрослая женщина. И не можешь себе найти занятие?

– Могу, – улыбнулась в ответ Люба, – но хотелось бы услышать твоё предложение.

– Сказку напиши ребёнку, – подумав, ответил я, – она меня вчера просила.

– Я слышала, – кивнула головой Люба, – про принцессу, про её родителей и про гномов.

– Дались вам эти гномы, – проворчал я, – не про гномов, а про мелких русалок. Про гномов вообще не надо даже упоминать. Мелкие и вредные личности.

– У тебя в отношении гномов что-то личное? – осторожно спросила Люба.

– Да, – ответил я, – личное. И поэтому не гномы, а русалки. Мелкие. А я поеду к Жене на работу съезжу. Гляну, что он там на передовой делает.

И я поехал к Жене. На передовую. В уютный офис на окраине города. Но Жени там не было. Он обедал в кафе напротив.

Я присоединился к нему, когда он уже поел и приступил к завершающей обед чашке капучино. Я же заказал себе огуречный лимонад.

– Поговорить надо, – сказал я, лениво цедя напиток через соломинку.

– У меня обед заканчивается, – так же лениво отозвался Евгений.

– По всем нормам после обеда как минимум полчаса надо как можно меньше двигаться, – возразил я, – пища должна усвоиться и прочее.

– Хорошо, – согласился Евгений, – как раз ко мне заказчик минут через сорок только подъедет. Время есть.

– Итак, – начал я, – поговорим о твоей главной проблеме в семье.

– О какой? – встрепнулся Женя.

– Ты в армии был? – вопросом на вопрос ответил я.

– Был, – кивнул головой Женя, – командиром отделения.

– Главный принцип помнишь? Что должен делать солдат? – продолжил я. – Солдат постоянно должен быть чем-то занят. Если боец ничего не делает, то в голову ему лезут дур-

ные мысли. Поэтому лучше пусть копает траншею от восхода до забора, чем дурака валяет.

– Ты хочешь сказать, что Любе нечего делать? – спросил Женя. – Но она же с ребёнком сидит.

– Вот именно, что сидит, – похлопал я Женю по плечу, – особенно сидит, когда ребёнок в школе. Или на детской площадке под присмотром двух клуш. А Люба твоя от безделья мается. Придумай ей занятие.

– Какое? – растерянно спросил Евгений. – У меня своих дел невпроворот, а мне ещё жене дело придумывать.

– Ну, ты же главный в семье, – возразил я ему, – значит, ты и должен раздавать задания и следить за их исполнением. Кстати, поговори с ребёнком насчёт порядка в её комнате. Там какой-то поросёнок живёт, а не маленькая девочка.

– Поговорю, – сказал Евгений.

– А насчёт занятости, – продолжил я, – самый идеальный вариант, это родить второго ребёнка. И Ирочке будет не так одиноко в семье с двумя взрослыми. И жена твоя на пару лет будет занята.

– Да мы думали об этом, – проговорил Женя, – да как-то не время. Рано.

– Рано? – удивился я. – Вашей старшей восемь лет уже. Самое время. Смотрите, как бы не было поздно.

– Я подумаю над твоим предложением, – серьёзно сказал Евгений, – и с Любой поговорю. Она-то не против. Даже, наоборот, за.

– Подумайте, подумайте, – сказал я, – ничто так не сближает людей, как общий ребёнок.

И я поехал по своим делам. Мотался по городу. Встретился с парой людей. Вечером вернулся к Нечаевым.

Вся семья была в сборе.

– Шестой, мне мама сказку сочинила, – бросилась мне навстречу в коридоре Ирочка, – про принцессу и её родителей. Но она ещё не закончена.

– Я даже сама не ожидала, что сочинять сказку будет так интересно, – смущённо сказала Люба.

Я сел на кухне и с кружкой чая в руке прочитал сказку. Точнее, её начало.

– Неплохо, – похвалил я мгновенно зардевшуюся от смущения Любу, – я бы даже сказал, что очень даже интересно и здорово. У тебя аккаунты где-нибудь в социальных сетях есть?

– На Фейсбуке и Одноклассниках, – сказала Люба.

– Опубликуй там, – посоветовал я ей, – заодно, может, кто дальнейший сюжет подскажет. Или раскритикует тебя по делу.

– Моя мама станет писательницей? – восторженно спросила Ирочка.

– Твоя мама останется твоей мамой, – остудил я её, – а с тобой, девушка, мне поговорить надо. Пойдём, пошепчемся.

И мы пошли в комнату Иры. Здесь уже был наведён по-

рядок, но поверхностный. Комната требовала капитальной уборки.

– Рассказывай, – велел я Ире.

– Родители на меня сегодня наехали, – сев на кровать, сказала она, – вначале мама, а вечером папа. Что я не убираюсь у себя.

– Правильно наехали, – сказал я, – у тебя грязно. Достаточно один раз убраться, а потом просто поддерживать порядок. Не разбрасывать всё вокруг, не мусорить. Я сегодня под твоим столом целую гору конфетных обёрток видел.

– Да мне некогда, – сказала девочка, – я же в школу хожу. А потом домашнее задание делаю. Знаете, сколько нам задают?

– Не знаю, – ответил я, – понятия не имею, сколько и чего вам задают. Знаю только, что у хороших девочек, в том числе у принцесс, в комнате идеальный порядок. Ты же мультики смотришь. Там у них чисто всегда. Чисто же?

– Чисто, – согласилась Ира, – я поняла. И у мамы в сказке у принцессы в комнате чисто. Ей русалки помогают пыль протирать. И ещё она маме помогает готовить обед для папы-короля. А разве принцессы умеют варить еду?

– Настоящие принцессы всё умеют, – кивнул я, – они и в горящую избу войдут, и коня на скаку остановят. И покушать сварят. И сказка мне сегодня понравилась. Очень грамотно написана.

– Ну, это же моя мама писала, – улыбнулась девочка, –

а моя мама самая грамотная. У неё в школе только пятёрки были.

– Вот и хорошо, – сказал я, – сейчас ложись спать. А завтра генеральная уборка. С русалками. И никаких гномов. Хорошо?

– Хорошо.

Я вышел из комнаты. Родители посмотрели на меня.

– Всё нормально, – сказал я, – идея со сказкой самое то. Люба, я в восхищении от твоего таланта и его применения. Продолжай в том же духе.

– Спасибо, – опять смутилась Люба, – я завтра продолжу. Женя просто молча улыбнулся.

А я распрощался и ушёл, оставив эту семью разговаривать и писать друг другу записки.

Но наутро опять приперся к ним. Проконтролировал завтраки, отъезды в школу и на работу. И, оставив Любу писать продолжение сказки, отправился по своим делам.

Вечером опять был у них. И так несколько недель подряд.

Семья постепенно оживала. Становилась сплочённее. Женя освободил для домашних дел полностью субботу. Его, естественно, донимали звонками и смсками. Но тут уже ничего не поделаешь. Издержки производства. По его словам, зимой будет поспокойнее.

Все трое иногда спорили. И звали меня в арбитры. Я говорил: «Разбирайтесь сами. Вы семья. Я сторонний наблюдатель». А потом беседовал с каждым по отдельности. Под-

сказывал. Советовал.

Стало традицией каждую субботу ходить в кино. Вечером. Но не поздно. Чтобы ещё успеть дома обсудить фильм.

Точнее говоря, мультфильм. Потому что самый младший член этой семьи обожала мультики, и мы за два месяца в итоге пересмотрели все новинки мировой мультипликации.

Сказка про принцессу и мелких русалок всё ещё не была написана. Люба каждый день добавляла новую главу, в зависимости от того, чем они планировали заниматься с дочкой. И неожиданно эта сказка выстрелила на Фейсбуке. Её перепостили, люди стали ждать продолжения. Мало того, Люба получила несколько заказов на написание текстов для детей. Слог у неё был лёгкий. Писала она красиво и грамотно.

Я появлялся в семье рано утром и поздно вечером. Иногда после обеда, когда приходила из школы Ирочка. В остальное время занимался своими делами. Странное было задание. Ответственное и тяжёлое. Настолько ответственное, что именно из-за него мне позвонила Референт М. И одновременно оно не забирало много времени.

В принципе, семья сама себя вытаскивала из болота непонимания и грозящего развода. Я лишь вовремя подал руку.

Тяжелее всего было отучить Любу от ежедневных посиделок с подругами. В итоге договорились, что она с ними видится по пятницам, раз в неделю. Я в это время играл с Иррой в шахматы. Точнее, давал уроки. Так как постоянно выигрывал. Но Ира не сдавалась и играла с каждым разом всё луч-

ше и лучше.

А однажды во время одного из этих неравных матчей она сказала мне, что у неё скоро будет братик или сестричка.

И я понял, что пора. Пора в дорогу. Догуливать свой прерванный отпуск в Карловых Варах.

На следующий день, после еженедельного фильма, я пригласил всех троих в кафе. Поест мороженого. И попрощаться.

Поели.

– Уходишь от нас? – спросила прозорливая Ирочка.

– Улетаю, – улыбнулся я ей, – я же Ангел.

– А ещё прилетишь? – серьёзно спросила она.

– Не знаю, – честно ответил я. – Не от меня зависит. Но я постараюсь. Ты, главное, родителей контролируй. Чтобы они без меня тут дров опять не наломали.

– Проконтролирую, – ответила Ира.

Я встал.

– Как? Вот так сразу? Без предупреждения? – одновременно воскликнули Женя и Люба.

– Можно подумать, я к вам с предупреждением в жизнь ввалился, – рассмеялся я, – не волнуйтесь, я буду за вами приглядывать.

– Спасибо за всё, – сказала Люба, – мы к тебе привыкли уже. Как будто родственник.

– Спасибо, – повторил Женя, – за науку.

– Да пожалуйста, – ответил я.

Пожал руки обоим и вышел из кафе.

Достал планшет. Послал наверх сообщение: «У них всё будет хорошо. Целую. Шестой».

Шестой и смерть

Посвящаю моим кузинам Марине и Яне.

Вот не люблю я такие задания. Когда указано время и координаты. Именно такое пришло только что. Время через три дня. Координаты, кроме широты и долготы, содержали адрес: улица, номер дома и номер квартиры.

А это значит, что в данной квартире в это время что-то случится. Вероятнее всего, кто-то умрёт. А я должен быть там, чтобы поддержать другого. Который останется жить.

Жалко, что от этих заданий нельзя отказаться. Они очень редки. Но бывают.

Я доел приготовленный накануне плов. Попил чаю. Прочитал два дела, которые мне на почту скинула Референт М. Оделся. Вышел на улицу.

Указанный в сообщении дом располагался в квартале от моей берлоги. Пешком дошёл до него.

Поднялся на 5 этаж. Позвонил.

Дверь открыл мужчина лет 40—45. Обычного телосложения. Седина на висках.

– Здравствуйте, – сказал, – вы к Оле?

– К обоим, – ответил я, – разрешите пройти?

– Проходите, – мужчина посторонился и потом представился, – Володя.

– Шестой Ангел, – пожав руку, представился я.

– Вы серьёзно? Ангел? – раздался женский голос.

В глубине квартиры стояла женщина. Лет 30. Русоволосая, длинное личико. Шорты и майка. Из-под шорт торчали удивительно красивые ноги.

– Серьёзно, – ответил я, – могу удостоверение показать. Или так поверите?

– Проверим, – усмехнулась женщина, – кушать будете?

– Буду, – сказал я, почувствовав запах борща.

Пахло вкусно. А когда мы втроём зашли на кухню и я увидел пампушки, то чуть не подавился слюной.

Покушали в тишине. Парочка бросала на меня настороженные взгляды, но с вопросами не торопилась. А я с наслаждением ел борщ. С пампушками и чесночным соусом. Что-то подобное я пробовал давным-давно в Киеве.

– А компот будет? – спросил я, доев всё, что было в тарелке.

– Морс будет, – улыбнулась Оля, – облепиховый.

Попили морс. Ещё помолчали.

– Рассказывайте, – не выдержал первым Володя.

– Хорошо, слушайте, – вертя в руках стакан с остатками морса, сказал я, – я ваш Ангел-хранитель. Зовут Шестой.

– Нас обоих? Или кого-то одного из нас? – спросил Володя.

– Одного из вас, – сказал я и замер.

Я не знал, кто из них умрёт через три дня. В письме почему-то об этом не было сказано. А я что-то даже не спро-

сил и припёрся к своим подопечным. Или подопечному. Или подопечной. У меня от напряжения заболела голова. Затылок.

– Так чей вы Ангел? – усмехнувшись, спросила Ольга.

– Одного из вас, – промямлил я, – у вас неприятности будут, и я вам послан, чтобы спасти.

– А имя почему Шестой? – всё так же улыбаясь, спросила Ольга.

– Родился в шестом часу, – ответил я, – ну, а когда в свидетельство записывали, перепутали со временем, когда родился. Пьяная была тётянка в ЗАГСе. Хотели поменять, да не стали. Вот так и остался Шестым.

– А какое имя должно было быть? – продолжила допытываться Оля.

– Да не помню. По-моему, Вадим, – ответил я.

– Бред какой-то, – не выдержал Володя, – имена, времена, ангелы. Вы нормальный?

– Я нормальный, – обиделся я, – просто уставший. Без отпуска. Нагрузки большие. А меня вот к вам послали. А я что-то даже не уточнил, к кому. Ща. Всё узнаю.

Я достал из сумки планшет и отстукал наверх сообщение: «Кто из них умрёт? Целую. Шестой».

И стал ждать ответа. А ответа не было. Минута, другая... Я чувствовал себя дураком.

– Ладно, – наконец-то сказал Володя, – поигрались и хватит. Я сам не понимаю, чего вас в дом пустил. Какой-то

взгляд у вас особенный. Но сейчас вам надо уйти.

– Извините, – встал я из-за стола, – я что-то и правда за-работался. Припёрся без предупреждения. Не подготовившись. Извините.

– Ничего страшного, – отозвалась Ольга, – я, кстати, по-чему-то верю, что вы ангел. Странное чувство.

Я вышел в коридор, обулся.

– Ещё раз извините, – сказал я, – ухожу. Но на днях я наведаюсь. Вы не против?

– Не против, – сказал Володя, – только вы доказательства своего ангельского происхождения предъявите, пожалуйста.

Я достал из кармана три паспорта. Русский, итальянский и чешский. Во всех была моя фотография и моё имя. Вме-сто фамилии стояло Ангел. В чешском Anděl, в итальянском Angelo.

Володя внимательно изучил все три документа. Повертел в руках. Отдал обратно.

– Могу крылья показать, – предложил я, – только мне раз-деваться придётся.

– Не надо, – остановил меня Володя, – давайте лучше вы уйдёте. А поговорим потом. Хорошо?

– Хорошо, – ответил я.

И ушёл. Только вышел из подъезда, как получил сообще-ние сверху: «Извините, Шестой. В бумагах не обозначено, кто умрёт. Специалист, который занимался этим делом, взял отгулы. Будет через три дня. Референт М».

Я аж присел на скамейку. Бардак был во всём мире. Но то, что он проникнет и на самый верх, это было для меня неожиданностью.

Пошёл к себе домой. Долго переписывался с Референтом М. В итоге поругался с ней и отправился спать.

А потом я два дня нарезал круги вокруг дома своих подопечных. Оля работала полдня, приходила домой сразу после обеда. Училась заочно на юридическом и заодно практиковалась на полставки в юр. конторе. Владимир появлялся дома в шесть-семь вечера. Он работал в небольшой айти компании. Руководил отделом.

Жить вместе они стали чуть больше двух лет назад. Оба после развода. Оба с тяжёлым прошлым. У Володи было двое детей от предыдущего брака. У Оли детей не было.

Они очень любили друг друга. Это было видно. По взглядам. По прикосновениям. По той минуте, когда они выходили из дома рано утром и на углу расходились в разные стороны. Поцеловав друг друга на прощанье.

В день смерти я сидел на скамейке и кормил голубей хлебом. Среди голубей метались воробьи, стараясь урвать свой кусок белого мякиша.

– Вам не надоело за нами следить? – спросила Оля.

Я поднял голову. Она стояла слева от меня и улыбалась. Красивая и счастливая.

– Работа такая, – буркнул я, – чаем напоите?

– А вы точно не маньяк? – всё так же улыбаясь, спроси-

ла Оля.

– Да не маньяк я, – ответил я, – Ангел. Шестой. Документы же проверяли.

Оля рассмеялась и повела меня домой. Напоила чаем. А потом долго рассказывала, как она познакомилась с Володей и как они начали жить-поживать и добро наживать.

Вечерело. Мы сидели на кухне и пили уже, наверное, по десятой кружке чая. Оля, беседуя, успела приготовить Володе ужин. Забросила бельё в стиралку. Проверила почту на ноуте, уютно лежавшем на кухонном столе. Послушала мою историю про взаимоотношения с Референтом М. Посочувствовала.

Было тепло и уютно. Оля сидела напротив меня и рассказывала о Володе. Какой он замечательный специалист. Как он заботится о ней. Как они планируют поехать на море отдохнуть.

– А квартира эта чья? – перебил я её.

– Наша, – ответила Оля, – мы только год тут живём. У Володи были сбережения, и его друг займы дал. Бессрочный кредит. И мои родители немного помогли, на обстановку.

– Уютная квартира, – сказал я, – только зачем три комнаты? Вас же двое.

Оля покраснела. Я протянул руку и дотронулся до её левого запястья.

– Когда узнала? – спросил.

– Сегодня утром, – прошептала она.

– Ему говорила?

– Нет ещё. Сегодня хотела сказать, вечером.

– Не говори пока, – попросил я.

– Почему? – удивилась она. – Он очень хочет ребёнка и будет рад.

– Завтра скажешь, – почему-то шёпотом сказал я, – сегодня не надо.

Мне стало совсем плохо. В данном месте в данную минуту было уже не два человека, а три. Он, Она и едва зародившийся ребёнок. И кто-то из них должен был умереть. В течение ближайшего часа.

Хлопнула входная дверь. Володя вернулся с работы. Ольга вышла в коридор, встретила мужа. Что-то сказала ему. Владимир заглянул на кухню, поздоровался за руку.

– Я почему-то так и думал, что вы придёте сегодня, – сказал мне, – я сейчас умоюсь, переоденусь и к вам. Ужинать будете?

– Буду, но немного, – ответил я, – меня тут чаем запоили.

Володя рассмеялся и скрылся в одной из комнат. А Оля села напротив меня.

– Почему не говорить? – опять спросила.

– Потому что первые недели для ребёнка самые опасные, – начал я, – ты сначала в консультацию зайди, проверься более тщательно. УЗИ, анализы. А потом уже радуй будущего папашу.

– Шестой, ты говорил, что у нас будут неприятности, –

так же пристально глядя на меня, сказала Оля, – какие неприятности? И кого ты должен охранять и от чего?

– Я про неприятности не говорил, – не глядя на Ольгу, сказал я, – мне вообще толком ничего не сказали. Послали и всё. А про ребёнка я узнал только сейчас, когда до тебя прикоснулся.

– Почему не говорить? – как заведённая, повторила Ольга.

– Да не знаю, – воскликнул я, – не знаю. Но скоро узнаю.

Подожди.

Мы посидели. Помолчали. В квартире стояла тишина. Лишь где-то тикали часы. Тик-так, тик-так.

– Что-то Володя не идёт, – нарушила молчание Оля, – я схожу за ним.

Она встала со стула и направилась к двери.

– Не надо, – попросил я, поднимаясь и уже понимая, что произошло, – не ходи туда. Я сам. Вначале я.

Володя лежал в спальне на кровати. Закрыв лицо руками, будто ему было стыдно. Он успел снять только пиджак, который валялся рядом.

Тромб в вене на бедре оторвался от стенки сосуда. Проскочил в лёгкое и закупорил лёгочную вену. Володя умер в течение минуты. Пока мы сидели на кухне.

Сзади меня страшно закричала Оля. Я перехватил её, усадил на пол, прижал к груди.

– Скорую надо, врача! – кричала она.

– Он мёртв, – ответил я, – ничего не поможет. Он мёртв.

Достал телефон. Позвонил в полицию. Продиктовал адрес.

Пока я звонил, Оля выскользнула из моих объятий и подползла к кровати. Дотянулась до Володи, до его плеча. Вцепилась в рубашку и тихо заплакала.

Я подошёл. Дотронулся до Оли.

– Он умер быстро. Ему почти не было больно, – сказал ей.

– Ты знал. Ты же знал всё, – застонала она и, переходя на крик: – Почему ты не предупредил?! Мы бы его спасли. Я бы спасла его. Это ты во всём виноват. Сволочь!

Я перехватил её руки, сжал крепко. Оттащил от кровати. Усадил на прикроватную тумбочку.

– Я не знал, кто из вас, – сказал, глядя прямо в глаза, в бездонные, полные боли глаза, – я не знал кто. Мне не сказали. Это бывает. Люди умирают. Просто так. И я знаю, как это больно.

Ольга опять заплакала, бессильно опустив плечи. Сидела на тумбочке и плакала. А её муж лежал на кровати.

Медики и полиция приехали почти одновременно. Олю увели на кухню. Её трясло. Усатый врач посмотрел на Володю, пощупал пульс. Сказал, что они тут не нужны. Я поймал его уже в коридоре.

– Женщине успокоительного вколите, – попросил я, – 30 лет, аллергии нет. Первый месяц беременности.

Врач кивнул, зашёл на кухню. О чём-то тихо поговорил с Ольгой. Достал ампулу, шприц. Сделал укол.

Полицейский написал протокол. Дал свою визитку. Рассказал, куда звонить завтра.

Приехала труповозка. Два накачанных паренька положили Володю в мешок и понесли на выход. Оля было дёрнулась, но бессильно опустилась на стул. Лекарство начало действовать.

Я постелил Оле на диване. Перенёс её, засыпающую, на него. Выключил свет.

Всю ночь сидел и читал Прилепина. Под утро задремал. Проснулся от плача.

Ольга лежала на диване и плакала. Я подошёл.

– Мне очень жаль, – сказал, – но тебе сейчас надо встать, умыться, привести себя в порядок. У нас много дел.

– Я не хочу, – тихо ответила она, перестав плакать, – я ничего не хочу. Я хочу, чтобы он вернулся. Чтобы он снова жил.

– Оленька, милая, – я положил руку на её волосы, – он умер. А ты жива. И тебе надо похоронить мужа. Потому что ты его жена. Поэтому вставай, чисть зубы, умывайся, причёсывайся, одевайся – и на кухню. Завтрак я приготовил.

– Мне больно, – заплакала Оля, – мне очень больно. Ты же Ангел. Ты можешь вылечить эту боль? У тебя есть лекарство?

– Есть, – сказал я, – это лекарство время. Боль утихнет. Она не уйдёт насовсем, но утихнет. Я знаю. А сейчас вставай. У нас много дел.

Ольга встала. Шатаясь, скрылась в ванной. Я за это время приготовил ей овсянку и положил на стол лист бумаги и ручку.

Ольга вышла из ванной спустя 15 минут. Под глазами круги. Но причёсанная, умытая и немного накрашенная. Поела. Попили чай.

Раздался телефонный звонок. Ольга посмотрела на меня сумасшедшими глазами.

– Это его телефон. Он в пальто, в прихожей, – сказала шёпотом.

Я вышел в прихожую, достал из пальто звонивший телефон. Ответил.

– А Владимира Ивановича можно? – спросили в трубке.

– Нет, нельзя, – ответил я, – он умер.

Пауза.

– Вы не шутите? – ответили в трубке. – Он же вчера на работе был. У нас сейчас совещание.

– Это с работы, – сказал я Оле, а в трубку ответил, – перезвоните через час, пожалуйста. Лучше всего на Олин телефон.

– Да, да, – ответили в трубке, – а вы кто? И что случилось?

– Я друг семьи, – ответил я, – а случилась тромбоэмболия легочной артерии.

На другом конце провода ойкнули и повесили трубку.

– На следующие звонки будешь отвечать ты, – сказал я, протягивая Ольге телефон.

– Я не хочу, – опять заплакала она, – я не хочу говорить, что он умер. Может, ты будешь отвечать?

– Ты будешь это делать, – сказал я, – это твоя обязанность. Я буду тебе помогать в другом. Чай заварить или подвезти куда. А разговаривать и делать дела будешь ты.

– Я не смогу. Мне больно понимать, что его уже нет и больше не будет, – тихо сказала Ольга, – может, в загробной жизни? Может, мы с ним ещё встретимся?

Она с надеждой посмотрела на меня.

– Нет, – ответил я, – вы никогда не встретитесь. Он умер. Его больше не будет. Всё. И никакой загробной жизни нет. Это всё сказки.

– А что же мне теперь делать? – спросила Оля. – Я люблю его. Я же жила только ради него. Что мне теперь делать?

– Дальше жить, – ответил я, – жить и жить. Помнить. И растить его ребёнка.

– Ой, я даже забыла о беременности, – положив руку на живот, сказала Ольга и опять заплакала.

– А ты не забывай, – посоветовал я ей, – и знай, что ты уже не одна. Вас двое.

Я придвинул лист бумаги к Ольге, и мы вместе составили список тех, кому надо было позвонить и сообщить о трагедии. Родителей у Владимира не было. В списке оказались брат, тётка, бывшая жена, сослуживцы, друзья, Олины родители.

Потом Оля звонила всем по этому списку и рассказывала,

что произошло. Иногда плакала. Иногда просто сухо сообщала о происшедшем, выслушивала слова сочувствия и благодарила. К концу списка она более-менее успокоилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.